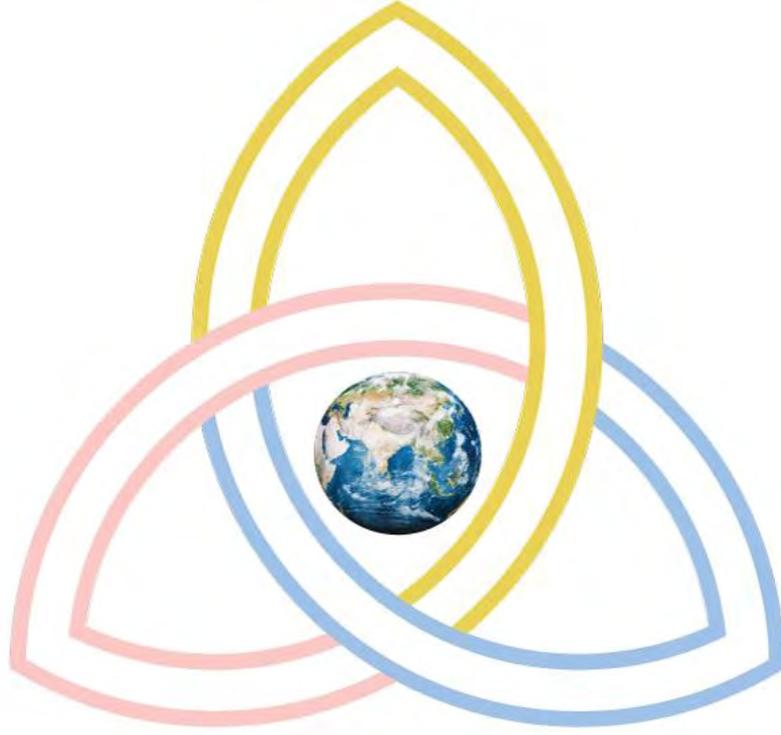

Терренс Уэбстер-Дойл

**УМИРОТВОРЕНИЕ
РАЗУМА**

ПОИСКИ НЕВИННОСТИ

Международное педагогическое объединение «Атриум»
Международный центр когнитивного образования за мир

The «Atrium» Society Global Peace Education
BioCognitive Learning Center Education
Brave New Child Peace Museum

Terrence Webster-Doyle

PEACE OF MIND

A QUEST FOR INNOCENCE

Samara 2021

Терренс Уэбстер-Дойл

**УМИРОТВОРЕНИЕ
РАЗУМА**

ПОИСКИ НЕВИННОСТИ

Самара 2021

УДК 327.36+159.9:316.6

ББК 67.91+67.91

У 97

Под редакцией В.И. Ионесова

Рецензенты:

доктор психологических наук А.И. Белкин

кандидат исторических наук С.Н. Фоломеев

Перевод с английского: В.И. Ионесова

Уэбстер-Дойл, Т.

У 97 Умиротворение разума: поиски невинности = Peace of Mind. A Quest for Innocence: научное издание / Т. Уэбстер-Дойл; пер. с англ. В.И. Ионесова. – Самара: ООО «Самарама», ООО «Прайм», 2021. – 168 с.

ISBN 978-5-6046812-0-6

История человечества есть неустанный и драматичный поиск идей, с помощью которых люди пытаются умиротворить разум и защитить себя от посягательств внешних сил как природных, так и социальных. Это похоже на битву за невинность, в которую вовлечены политические, идеологические и религиозные движения самых разных толков и устремлений. В поисках ответов на вызовы времени эзотерические практики бесконечно доминируют над разумом и зачастую подменяют сложный процесс познания упрощёнными абсолютными истинами, основанными на вере. Существующие идеалистические теории, психодуховные опыты и убеждения лишь успокаивают человека, уводя его от напряжённой работы интеллекта. В книге обосновывается взгляд на волнующие вопросы современности в контексте понимания истоков человеческих заблуждений и всего того, что мешает сделать мир добрее, справедливее и безопаснее.

Книга будет интересна всем, кто небезразличен к вопросам диалога и примирения культур, преодоления насилия в современном обществе.

УДК 327.36 +159.9:316.6

ББК 67.91 + 67.91

Печатается по изданию:

Webster-Doyle, T. *The Religious Impulse. A Quest for Innocence* / Sane and Intelligent Living Series. Atrium Publications. Ojai, California, 1989. – 116 p.

ISBN 978-5-6046812-0-6

© Т. Уэбстер-Дойл, 2021

Настоящее такое, какое есть –
это реальность нашего идеализированного мира
Неизвестный автор

The present just as it is
is the reality of our ideal world.
Unknown author

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	13
Введение	17
Часть I	23
Творческое сомнение как когнитивный процесс	
• Вопрошание и размышление	
• Психологическая обусловленность	
Часть II	43
Категории религиозных практик	
• Верование	
• Вера	
• Надежда	
• Благодетельность	
• Преданность	
• Грех	
• Прощение	
• Страдание и печаль	
• Поклонение	
• Служение Богу	
• Исповедь	
• Молитва	
• Рай и ад	
• Жизнь для вечности	
• Страх смерти	
• Религиозное обучение	
Часть III	136
О реальных и мнимых идеалах	
Заключение	147
Приложение	151

CONTENTS

Foreword	13
Introduction	17
Part I	23
Observations on Creative Doubt	
• Enquiry	
• Psychological Conditioning	
Part II	43
Observations on Traditional Religious Practice	
• Belief	
• Faith	
• Hope	
• Charity	
• Devotion	
• Sin	
• Forgiveness	
• Suffering and Sorrow	
• Worship	
• Giving Up Oneself to God	
• Confession	
• Prayer	
• Heaven and Hell	
• Living for Eternity	
• Fear of Death	
• Religious Education for Children	
Part III	136
About Real and Imaginary Ideals: Observations on the Religious Mind	
Conclusion	147
Supplement	151

УМИРОТВОРЕНИЕ РАЗУМА

ПОИСКИ НЕВИННОСТИ

В современном мире восемь из десяти людей отождествляют себя с той или иной религиозной принадлежностью, что составляет 5,8 миллиардов, или 84 % населения нашей планеты. Эти данные получены в 2010 году на основе обширного демографического исследования, проведённого Исследовательским центром Пью (Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life) в более 230 странах и регионах мира.

ПРЕДИСЛОВИЕ

FOREWORD

Брошюра под первоначальным названием «Религиозный импульс: в поисках невинности» / «The Religious Impulse: A Quest for Innocence» была издана в серии «Разумная жизнь» / «The Sane and Intelligent Living Series» в 1989 году. И я счастлив, что эта книга с уточнённым и дополненным текстом была переведена на русский и спустя более 30 лет выходит в России. Мне трудно передать те чувства радости и гордости, которые я испытываю в связи с этой публикацией.

Я люблю Россию и восхищаюсь её самобытной культурой с богатыми национальными традициями и уникальным духовным опытом. Моя первая встреча с Россией состоялась в 1988 году, и эта встреча сильно изменила моё представление о русском народе. Я открыл в нём большой мирозидательный и общительный характер, всегда готовый сопереживать без оглядки и расчёта. Всякий раз, всматриваясь в историческое наследие и современные будни русской культуры, я нахожу в ней для себя много полезного и достойного того, чтобы об этом знали другие. Меня вдохновляют русский язык, отзывчивость людей, верность традициям, щедрость, открытость, стойкость, душевность. Хочется надеяться, что об этом будет моя следующая книга.

Предлагаемый вниманию читателя текст о другом. В этой книге я пытаюсь показать, в какой сильной зависимости мы находимся от обусловленного мышления – его пугающих образов, стереотипов восприятия и предрассудков. Я намереваюсь рассмотреть влияние обусловленного разума на наше восприятие мира, воздействие на поведение человека и систему принятия им решений. В фокусе моего внимания – идеалистические и эзотерические импульсы, стремящиеся умиротворить разум, но всякий раз лишь нагнетающие напряжённость и страдания. Я нахожу противоречия между распространёнными идеалистическими (духовными) практиками и необходимыми реальными условиями для

поддержания мира и согласия в обществе. Сопоставляя их с настоящим просветлённым религиозным умом, свободным от когнитивной обусловленности, я прихожу к выводу о том, что эзотерические импульсы сами по себе есть лишь следствие когнитивных искажений действительности, которыми регистрируются и измеряются человеческие переживания и боль от соприкосновения с беспокойной реальностью.

Считаю необходимым отметить, что представляемая вниманию читателя книга ни в коей мере не направлена против какого-либо религиозного учения как такового, и автор относится с уважением к чувствам и ценностям верующих. В ней нет и атеистического посыла. Моя цель – сделать миротворчество реальным (не иллюзорным!) достоянием людей, и, если тому что-то препятствует, обратить на это внимание и дать необходимые разъяснения.

Данная книга есть продолжение недавно изданной на русском языке трилогии «Мир: что ему мешает, что его создаёт и как его добиться?» Я хотел бы поблагодарить моих друзей и коллег в России за многолетнее профессиональное сотрудничество и помощь в подготовке данного издания.

Мир не может держаться на силе, внушении и предрассудках, но только на знании, понимании и умении каждого творить мир здесь и сейчас.

Терренс Уэбстер-Дойл
6 июля 2021,
Паония, Колорадо,
США

ВВЕДЕНИЕ

INTRODUCTION

Эта книга об обыденных, понятных и вместе с тем фундаментальных вопросах человеческой жизни – что есть добро, откуда проистекает зло, почему люди враждуют, на чём основана вера, как сделать жизнь лучше, что мешает нам находить согласие, почему возникает страх, как избавиться от предрассудков и пробудить интеллект... Суть всех этих вопросов заключается в том, чтобы научиться замечать, обдумывать и понимать то, что нас окружает, радует и беспокоит. Ум человека склонен пребывать в состоянии ожидания того, чтобы можно было посмотреть на ситуацию напрямую, немедленно и беспристрастно.

Эта книга ставит насущные вопросы, по которым автор пытается дать свои разъяснения. Можем ли мы добиться этического понимания, разумной добродетели, духовной непогрешимости свободной от моралистического принуждения? Страдаем ли мы от того, что до сих пор человечество разделено на расы, этносы, культуры, языки и религии? Разнообразие – благо, наказание или вызов? Как влияет на наше восприятие мира тот факт, что в XXI веке, несмотря на беспрецедентные интегративные процессы и планетарные изменения, мы всё ещё изолированы друг от друга политическими, экономическими, этническими, конфессиональными и даже родоплеменными границами? Человечество всё ещё ищет ответы и всякий раз сталкивается с новыми вызовами. Проблема в том, что все, кто предлагает ответы и решения, на самом деле исходят из своих сугубо корпоративных интересов и амбиций. Будь то транснациональные корпорации, политические союзы, религиозные движения, территориальные альянсы, профессиональные группы и др. За всевозможными идеалистическими проектами зачастую скрываются спекулятивные устремления и желания отдельных групп, жаждущих продвижения своего собственного влияния в мире.

Не обходят стороной эту беспрестанную гонку за право быть вершителем судеб и главным миротворцем в конфликтующем мире и всевозможные религиозные течения. Почему религии обещают людям загробную жизнь, свободную от печали и страданий? Не потому ли, что мы просто не знаем, как быть и что делать с теми проблемами, которые достают каждого из нас в обыденной жизни?

Конечно, есть и другие причины. Тем не менее, все попытки положить конец страданиям с помощью религиозных практик и идеалистического мышления фактически направлены не на решение самих проблем, но на культивирование опыта, позволяющего их переждать и вытерпеть даже ценой длительных мучений. В этих попытках религия – не единственная инстанция или система знания, которая оказывается заложницей более корневых фундаментальных механизмов нашего ментального восприятия мира. Наблюдая за мыслительным процессом, нельзя не заметить, что чаще всего именно сама мысль создаёт проблемы даже там, где всё должно быть мирно и безмятежно. Дело в том, что наши идеи и замыслы являются продуктом обусловленного мышления, то есть они подвержены воздействию первородных импульсов, прежде всего направленных на выживание. Их главная и первоочередная задача – превентивно защитить человека, то есть заранее настроив его на потенциальную угрозу. Мысль вынуждает человека всякий раз быть в «боевой готовности» даже там, где в этом нет необходимости. Это означает быть всегда начеку, глядя на потенциальную опасность, разделяя людей на своих и чужих, друзей и врагов, защищенность и угрозу, доверие и страх, любовь и ненависть и пр.

Не этому ли свойству мысли, точнее, принципу обусловленности нашего мышления, подчиняются и

идеалистические картины мира, включая религиозные и эзотерические практики?

*** **

Текст данной книги представлен в виде небольших сегментированных разделов, в которых прописываются наиболее значимые, по мнению автора, тематические вопросы. Этот формат был выбран неслучайно, он позволяет читателю обстоятельно и по отдельным сюжетам проникнуться в содержание рассматриваемой темы – не спеша обдумать и понять поставленные в ней вопросы. Свободное пространство вокруг авторского текста, побуждает читателя включиться с ним в диалог и при необходимости дополнить его своими мыслями.

Автор пытался избегать какого-либо давления на читателя и стремился к тому, чтобы он мог делать самостоятельные выводы из прочитанного. Такой порядок восприятия текста освобождает от трафаретов и шаблонов обусловленного мышления и благоприятствует живой рефлексии и самоанализу. Слишком часто интеллектуальная литература принуждает людей к однозначному и безальтернативному восприятию заданного текста. Особенно в тех случаях, когда речь идёт о психодуховных практиках и религиозных вопросах, которые предоставляя заданный набор знаний, одновременно манипулируют сознанием читателя, создавая домыслы и путаницу.

Представленные на страницах данной книги рассуждения автора посвящены теме религиозного знания, точнее идеалистического и эзотерического понимания умиротворения и насилия, добра и зла, свободы и принуждения, любви и ненависти... Сделанные мной наблюдения не есть окончательные выводы, но лишь побуждение к дальнейшему

осмыслению рассматриваемой темы. Предлагаемые суждения как в зеркале отображают волнующие автора проблемы нашей беспокойной современности.

Изложенные в книге тезисы не претендуют на истину, и им не нужно безапелляционно следовать. Мои наблюдения также не являются категорическими утверждениями или наставлениями, которые предлагается принять или отклонить. Я лишь хотел бы видеть в них полезный инструментарий («рабочие гипотезы»), с помощью которых читатель сможет самостоятельно размышлять, творчески подвергать сомнению всё то, что он воспринимает, не принимая на веру даже самую, казалось бы, очевидную для него правду.

Моя цель состоит в том, чтобы по-новому взглянуть на основы религиозного мышления, принципы понимания основных причин смятения, нетерпимости, страха и конфликтов в отношениях между людьми. Эта книга не будет раскрывать исторические или социологические аспекты религиозного мировосприятия. Я намеренно избегаю ссылок и цитирования признанных экспертов для подтверждения своего видения рассматриваемых проблем, оставляя для взыскательного читателя лишь мои собственные наблюдения. Пусть сам читатель также беспрепятственно ищет и находит свой путь понимания, не обращая внимания на авторитеты. Я беру ответственность за всё, что я написал, основываясь на своём многолетнем профессиональном опыте и образовательной миротворческой практике. Тем самым я предоставляю читателю максимальный простор для возможной критики моих наблюдений и суждений. Я сохраняю надежду, что в этом откровенном повествовании внимательный читатель отыщет для себя нечто полезное для понимания того, как не оказаться в плену вековых заблуждений и как сделать мир лучше.

Пока мы не проникнемся
пониманием того, что есть сейчас,
мы никогда не сможем
принадлежать тому, что есть.

Until we penetrate with insight into what is now,
we can never belong to what is.

Часть I
Творческое сомнение
как когнитивный процесс

Part I
Observations
on Creative Doubt

1

Прежде чем мы сможем рассмотреть религиозные практики, чтобы увидеть, действительно ли они не разрешают конфликты и даже зачастую обостряют их, мы должны заложить основу для нашего небольшого исследования. Нам нужно посмотреть, что и как мы вопрошаем, как подходим к тому, что хотим прояснить. Это простой, но исключительно необходимый шаг в понимании того, как конфликт зарождается и себя проявляет. Итак, начнём с разьяснения того, что мы хотим понять. Это позволит нам ответить на фундаментальные вопросы, которые могут возникнуть по поводу самой возможности построения добропорядочной мирной жизни и понять то, что вызывает насилие в отношениях между людьми.

2

С чего начать? В чём главный вопрос? Можем ли мы начать просто с прямого определения разницы между традиционной религиозной практикой и религиозным мышлением? Можем ли мы непредвзято посмотреть на идеалистические воззрения, реакции их восприятия и специфику убеждений для того, чтобы их переосмыслить и понять? Если мы привержены определенной точке зрения, можем ли мы задавать вопросы свободно, разумно и непредвзято? Что здесь важно – выявить различия между непредвзятым и обусловленным высказыванием, или просто размышлять в свободной форме с пояснительными репликами по рассматриваемому вопросу?

3

Как мы узнаем, в чём разница? Если мы подойдем к этому вопросу с уже предварительно заготовленным шаблоном, тогда у нас мало шансов что-то действительно узнать нового. Что нам нужно предпринять для того, чтобы правильно поставить вопрос и прояснить его? В каком случае и как мы этого можем добиться? Когда мы начинаем выявлять различия, мы всегда что-то сравниваем – суждения, оценки, тексты, известные нам знания, полученный опыт, авторитетное мнение и пр. При этом зададимся вопросом: познаём ли мы в процессе сопоставления что-то действительно новое, или мы лишь ещё раз подтверждаем то, что мы уже знаем, то есть выдавая уже имеющееся у нас представление об изучаемом предмете за нечто новое? Не проецируем ли мы свои желания, прежний опыт и знания на настоящую ситуацию, которую чем-то хотим дополнить и доопределить?

4

Итак, каков сам процесс прояснения, в чём разница между обычной религиозной практикой и религиозным мышлением? Мы поймём это, если посмотрим на логику и направленность движения самой мысли, которая зачастую переносит на современный опыт лишь ментальные трафареты прошлого. В любом сравнении и суждении мы переводим прошлое в современное, невольно осуществляя проекцию того, что мы *уже* знаем на то, что мы *ещё* хотим понять. Причём эта трансформация завладевает нашим умом до начала самого процесса обучения* (познания). Здесь проявляется так называемый принцип когнитивной обусловленности.

* Обучение здесь понимается как сам акт познания чего-то в настоящем, а не то, что связано с процессом накопления знаний из опыта прошлого, который имеет место быть в науке и технике.

Если мы примем во внимание эту особенность нашего мышления, то разве это не побудит нас по-другому посмотреть на то, о чём мы думаем, чтобы проверить истинно или ложно наше восприятие? Разве в этом случае мы не начинаем задавать себе вопросы? Путь к истине лежит через вопрошание. *Вопрошание* и *сомнение* – не препятствие, но способ снять все препятствия в процессе обучения (познания). Критический взгляд, запрос или перевод мысли в настоящее уже не есть слепое проецирование прошлого, следование за предрассудками, но скорее креативная способность вопрошаемой мысли проникнуть в суть, пробудить интеллект, запустить творческое восприятие с бдительным наблюдением и в конечном счёте прийти к реальному осознанию и пониманию того, что изучаешь. Я полагаю, что настоящая проницательность или разумная проникновенность в познании чего-то нового достигается лишь тогда, когда нам удаётся непредвзято, «без гнева и упрёка», без оглядки на сравнения и «груз прошлого» напрямую здесь и сейчас воспринимать сам предмет наблюдения.

Чтобы понять разницу между религиозными практиками и религиозным мышлением, нам нужно идти к этому пониманию через творческое сомнение. Другими словами, нужно выяснить для себя, что является реальным и воображаемым? Итак, с самого начала мы исходим из того, что всякое идеалистическое мышление переводит в настоящее опыт прошлого. Но жизнь не стоит на месте. Всё течёт, всё меняется. Стереотипы прошлого есть искажённые образы обусловленного мышления. Они заставляют человека верить в то, что сами же они порождают. Но если они не соответствуют настоящей реальности, они вступают с ней в противоречие. Но там, где противоречия – там насилие и конфликты. С моей точки зрения, сила интеллекта в том, чтобы воспринимать реальность напрямую «без очков и шор», не через призму того, что было, но в ракурсе видения того, что есть в самом актуальном настоящем.

Пока мы не проникнемся пониманием того, что есть сейчас, мы никогда не сможем принадлежать тому, что есть. Религиозный взгляд на мир перегружен пережитками и артефактами прошлого, отчего при его соприкосновении с настоящим не могут не усиливаться противоречия, страхи и конфликты. Реальное, не иллюзорное познание не нуждается в трафаретном мышлении. Здесь требуется пылкий, наблюдательный и живой ум, свободный от оптических искажений прошлого. Как я представляю, именно на этом должно основываться современное светское образование.

9

Что мешает эффективно учиться? Возможно, это правильная постановка вопроса вместо привычного: «Что такое обучение?» Ум человека любознателен по природе и с самого детства заставляет нас наблюдать и открывать что-то новое. Ум устремлён вперёд, но препятствием для него служат пережитки прошлого. Почему они мешают обучению?

Здесь нужно разобраться в том, знаем ли мы, что такое *психологическая обусловленность*? Вы наверняка видели эксперименты по контролю над поведением животных, которые подчиняются командам, основываясь на опыте прошлого. Приучая их к определённым и повторяющимся действиям, они становятся запрограммированными на выполнение привычных команд. Необходима лишь некоторая подготовка: например, когда мы не хотим, чтобы наша собака выбежала на улицу, но она нас ослушалась, мы её наказываем соответствующими действиями. В том случае, когда поведение животного согласуется с нашими намерениями, мы его вознаграждаем. Такая практика срабатывает. Но при чём здесь образование и вопрос «что ему мешает?» Могут ли повторяющиеся команды и психологические установки проявлять себя и в человеческом мире, особенно для коррективы и управления поведением индивидуума? Какой эффект имеет психологическая обусловленность для умственной деятельности в процессе обучения? Как психологическая обусловленность воздействует на традиционные идеалистические и эзотерические картины мира? И как сами идеалистические системы восприятия, включая религию, влияют на наше мышление и поведенческие действия? Влияет ли вера на разум, призывая действовать по стандартам «хорошего» поведения? Вызывает ли это этический эффект в умиротворении наших мыслей и поступков, или, напротив, идеалистические мотивации, как это ни парадоксально, благоприятствуют конфликту, либо его замораживают, либо обостряют в нашем общении друг с другом? Способен ли ум, пойманный в ловушку обусловленного мышления, правильно вопрошать, сомневаться, думать в процессе обучения? Становится ли наше поведение более нравственным под воздействием стереотипов обусловленности мышления? Может ли наш ум контролировать свою зависимость от мыслительных трафаретов и предрассудков?

Если мы хотим понять свою жизнь, почему мы так часто действуем в угоду тому, что этому мешает? Ведь мы есть то, о чём мы думаем? Быть может, целесообразно научиться чаще спрашивать себя: так ли верно я поступаю, не оказываюсь ли я жертвой слепых внешних сил (предрассудков, пережитков, шаблонов)? Если получается спросить себя об этом, значит мысль жива и ведёт меня в правильном направлении? Но может ли разум выйти из своего ментального обусловленного заточения, вырваться из ловушек когнитивных искажений и ясно увидеть то, что на самом деле происходит?

Обусловленное мышление в проекциях идеалистических (религиозных) воззрений – своего рода антипод вопрошания. Так, сомнение там, где есть вопрос. Напротив, там, где есть безоглядная вера, там есть ответ, категорическое утверждение, восклицательный знак. Кажется, это хорошо, когда ответ сам тебя находит. Но проблема в том, что всякий восклицательный знак со временем становится в жизни знаком вопросительным. Понимаем ли мы, что категорические утверждения разделяют людей? Так, как это происходит в ожесточённых религиозных конфликтах. Если я признаю то, что моё мнение лишь часть правды, я стремлюсь к тому, чтобы дополнить её правдой другого. И здесь я не вражду с ним, напротив, я им дорожу, ибо от него, точнее от общения с ним, зависит полнота моих знаний о реальности. Здесь устремлённость к согласию и миру, а не к насилию и войне.

Какая энергия и сила прорвутся через частокол препятствий обусловленного мышления? Освободит ли знание от давящих на нас предрассудков? У интеллектуалов есть своя обуславливающая их воззрения зависимость: они верят, что сила интеллекта все решит. Их Бог – это слово. Чем умнее или эрудированнее слова, тем благороднее и увереннее стремление с их помощью всё познать – но смогут ли они разорвать цепь предрассудков? Ведь и они ограничены своими научными спецификациями; да и слова не только проясняют тему, но они могут её заболтать и создать ещё большую путаницу?

Попробуем задать вопрос «что такое интеллектуальная энергия или какова пропускная способность наших мыслей в ситуации обычного размышления?» Что с нами происходит в этом процессе? Мозг не сразу реагирует на накопленные знания. Не ищет ли мозг нужные слова-помощники или шаблоны-посредники для того, чтобы найти удобный для себя ответ? Наш мозг обладает большим запасом информации, полученной в жизни и в учебных аудиториях, и он жаждет любой ценой получить ответ, пусть даже и неверный. Мозг приучен всюду искать ответы, без них он держит человека в панической неопределённости. Запущенная мозгом мысль в поисках ответа на вопросы начинает раскладывать и собирать, то есть делает то, что мы называем анализом. В этом аналитическом отборе мозг пытается оставить только то, что ему уже известно, отстраняясь от великого множества возможных комбинаций и умозаключений. Но где критерий того, что отобранные умом факты более точные, нежели те, что им отвергнуты. Мысль не может контролировать саму себя. В этом проблема. Отобранная мыслью реальность (представление) начинает работать сама на себя, прожорливо притягивая и поглощая окружающий мир. Бесконечные идеалистические теоретическо-эзотерические рассуждения в своей основе страшно эгоцентричны, они поглощают всё, что с ними соприкасается. Вырваться из этого состояния непросто. В сложившейся ситуации мы пребываем в перманентном конфликте, тиражируя страх, нетерпимость и бесконечное насилие в своих отношениях с миром и социумом.

Способны ли мы на самом деле видеть, наблюдать, осознавать и понимать, какие силы обусловленного мышления нами овладевают? Обращаться в поисках ответа к прошлому, к сравнению, к экспертам – значит вновь смотреть на жизнь не своими глазами. Сами по себе знания ещё не есть ответ. Жизнь часто проходит мимо них. Здесь нужна проницательность. Озарение как пробуждение интеллекта и сцепление ума с настоящим. Озарение (Insight) использует знания, чтобы передать то, что зафиксировано в настоящем так, чтобы поделиться распознанной им реальностью с другими. Знание, полученное из такого интеллектуального проникновения и наблюдения, может указывать на то, что есть истинно и что ложно. Это знание полезно не только для тебя, но и для тех, кому ты его передаёшь.

16

Если мы сами что-то вдруг осознали здесь и сейчас, разве это не подрывает основы обусловленного мышления, освобождая наш мозг от привычных ограничительных рамок? Но стоит нам посмотреть на то или иное явление «чужими глазами», как тут же реальность искажается, взгляд промахивается, возникает путаница, и жизнь проходит мимо нас.

Может ли прошлое понять настоящее? Прошлое является таковым только при измерении его с наблюдательной площадки современности. Без современности нет прошлого. Осмысливая (рационализируя) современность по лекалам прошлого, мы тем самым теряем современность. Всякая интеллектуальная категоризация жизни не приносит реального её осознания.

Творческое сомнение, вопрошание, понимание психологического кондиционирования мысли, наблюдение за тем, как ум попадает в привычные интеллектуальные ловушки, интеллект, понимание, осознание, видение – это все ярлыки и инструменты, которые могут служить нам как для успокаивающей нашу психику рационализации, так и для полноценного управления реальностью. Мы видим только то, что способны осмыслить. Нам так удобно, комфортно, безмятежно. Но с точки зрения практического осознания и освоения реальности бесперспективно и рискованно. Образы мира, слова, метафоры и символы сами по себе не есть осознание. Они там, где мозг «спит», «расслабляется», убаюкивая себя верой, эзотерикой, мифотворчеством, привычкой и рутинной. Но впереди «драма жизни» и столкновение с настоящей (не воображаемой!) действительностью.

Когда мы осознаем, как нами управляет разум, мы увидим все интриги и инсценировки сознания, которые не дают нам покоя в поисках идеальной жизни. Когда мы осознаем природу и ход нашей мысли, мы тут же увидим выстроенный нашим воображающим разумом «воздушный замок», в который мы сами себя поместили. Мы можем с этим смириться, но реальность всякий раз будет нас доставать и одёргивать, и делать так, что «покой нам будет только снится». В этом нет спасения от неприятностей и конфликтов, ибо мы остаёмся в плену собственных иллюзий. Но если мы хотим вырваться из этого замкнутого круга, тогда нам необходимо мгновенное восприятие реальности, проникновенный взгляд без оглядки, «без очков и шор». Это восприятие мы называем проницательностью или пробуждением интеллекта, которым отличаются лучшие религиозные умы, именуемые оракулами и провидцами. Тогда как эзотерические учения, верования и обряды основаны на обычных знаниях (мыслительных шаблонах), на трафаретах прошлого и прочих продуктах *обусловленного разума*.

В отличие от рутинного религиозного мышления религиозный ум в своём наивысшем просветлённом воплощении не пойман сетью ограниченности веры, знаний, прошлого; он активный, животворный, вопрошающий, сомневающийся, созидательный. Эти уникальные и животворящие свойства самой природы религиозного ума позволяют нам многое понять из того, что происходит «за кулисами» повседневной жизни. Но проблема в том, что этот религиозный ум зачастую оказывается взаперти сухих и мрачных эзотерических знаний и предрассудков. Тем самым люди сбиваются с толку, ища безопасность в известных и доступных обычаях и ритуалах. Разумеется, структура традиционных религиозных верований и обрядов создаёт идеалистический каркас безопасности, позволяя верующим испытывать чувство надежды в ожидании светлого будущего. Но насколько прочным является этот каркас безопасности, какова вероятность и надёжность спасения в этом каркасе людей? Мне представляется, что основное различие между истинным религиозным умом и эзотерическими культами состоит в том, что культы и мистерии держатся на вере, иначе говоря, на шаблонах мировосприятия, тогда как сила просветлённого религиозного ума в проникновенном и животворящем интеллекте.

Часть II
Категории
религиозных практик

Part II
Concepts on
Religious Practice

Давайте теперь посмотрим на природу и структуру традиционных идеалистических мировосприятий, *верований* и практик. Я уже отмечал, что для объективного взгляда нам необходимо смотреть на вещи прямо, без опосредованных суждений или когнитивных искажений обусловленного опыта прошлого. Стоит ещё раз заметить, что я не за и не против религии как таковой; я просто хочу разобраться и фундаментально прояснить, действительно ли она наводит в нашей жизни порядок и покой. Либо идеалистические конструкции – лишь игры разума и, как это ни парадоксально, сами невольно благоприятствуют появлению страха, недоверия и конфликтов, то есть всего того, против чего они выступают. Всё дело в природе нашего мозга – мышления: человек многое из того, что делает не осознаёт, и часто за его благими намерениями лежит дорога в противоположном направлении – и как следствие, «хотели сделать как лучше, но получилось как всегда». Не осознавая свои ошибки, мы их только приумножаем. Не в этих ли условиях пробуждается в наших отношениях друг с другом нетерпимость, насилие и вражда?

Можем ли мы объективно взглянуть на систему особенных идеалистических представлений о мире, которую мы называем религией? Быть может, нам следует задать фундаментальные вопросы, которые помогут раскрыть суть этой человеческой институции? Человечество использовало различные религиозные проекты на протяжении нескольких тысяч лет, но всякий раз отделяло большинство людей друг от друга, создавая идеологические барьеры и расколы, которые часто оборачивались конфликтами, войнами и страданиями. И всё это осуществлялось «во имя мира, любви и благополучия». Вот почему в изучении данной темы нужно выйти из спекулятивных ловушек обусловленного мышления и рассматривать её во всей полноте особенностей и природы человеческого мировосприятия.

Я не пытаюсь анализировать бесчисленные обряды и ритуалы, установленные религией и религиозной практикой. Мне нет нужды накапливать новые факты. Главное, к чему я стремлюсь – это стимулировать или пробудить способность интеллекта к прозрению, к критическому осмыслению общепринятых идеологием. Я хочу пробудить способность человека освободить разум от ментальных ограничений безоглядной веры для того, чтобы посмотреть на мир осмысленно, объективно и критично, без искажающих трафаретов обусловленного мышления. Я полагаю, что это сделать достаточно просто, и здесь не требуется много времени – нужно только понять особенность нашего обусловленного мировосприятия и посмотреть на мир «своими глазами», «без очков и шор».

Мы часто переносим решение проблемы в будущее. Такова природа нашего мышления, которое запускает этот механизм для решения проблем лишь для того, чтобы на время умиротворить обеспокоенный разум, успокоить человека, дать ему передышку. Но потом проблем становится ещё больше. Следовательно, это лишь самообман, ментальная ловушка. Но если мы это понимаем и считаемся с тем, как действует обусловленное мышление, как оно провоцирует нас на ошибки – в этом случае мы начинаем контролировать своё поведение и минимизируем последствия того, что нас деструктивно заводит и обманывает. Понятно, что в полной мере освободиться от влияния обусловленного мышления человеку невозможно. Оно всегда рядом с нами, «дышит нам в затылок», может в любой момент принудить нас сделать очередную ошибку в интересах бессознательной стороны нашей натуры. Но если мы наблюдательны, умны и бдительны, то уже само это осознание проблемы позволяет её решить.

Ведь известно, что осознать и обозначить конфликт – значит, уже наполовину справиться с ней. Получается, что всё на самом деле просто. Нередко можно услышать: «Этого не может быть! Кто я такой и что я могу?» Действительно, почему я так часто не верю в свои возможности что-либо изменить к лучшему? Что заставляет меня думать, что я не способен на большие изменения? Ведь если даже великие авторитеты в истории человечества в своих многовековых поисках не смогли понять и решить проблемы жизни, то я тем более на это не способен. Примерно так рассуждает в отчаянии человек. И у него много единомышленников, полагающих, что ничего изменить в человеческой жизни простому индивидууму нельзя. Такая возможность появляется лишь тогда, когда у тебя есть деньги, власть или какие-либо особые знания, интеллектуальные сверхспособности. Поверьте, эта и есть самая большая ошибка, когда человек перестаёт верить в себя. «Загипнотизированный» идеалистическими шаблонами разум всегда будет оставаться жертвой своих и чужих воображаемых представлений, иллюзий, основанных на двусмысленности, безволии и апатии.

Может ли понимание быть прерогативой только авторитетов и власть имущих? Мне представляется, что правильный ответ: вся сила в самом понимании, а не в авторитетах. Если мы будем возлагать знания лишь на авторитеты, мы останемся без ответов в окружении сплошных проблем. Ведь если все ответы у авторитета, то мы всегда будем пребывать ни с чем. Конечно, нельзя игнорировать опыт и познания профессионалов, особенно, когда речь идёт о науке и технике. Это очевидно. Здесь без помощи экспертов не обойтись. И их советы и рекомендации только на пользу. Но когда мы переходим в сферу психодуховную, религиозную или мировоззренческую, то в этом случае без нашего личностного интеллектуального участия нельзя снять ни одну проблему. Думать, что за тебя может кто-то сделать выбор или что-то решить не только контрпродуктивно, но и ошибочно.

Нельзя путать знание и понимание. Что-то знать не означает владеть истиной. Само по себе знание – лишь условие, предпосылка для действительного познания смысла вещей. Если образование человека будет ограничено лишь его знаниями, всего этого будет недостаточно. Ведь можно знать, но не уметь. Необходимо, чтобы знания приводили к пониманию, побуждающему человека что-то реально изменить в своей жизни к лучшему. Мы часто подменяем понимание знанием и тем самым отстраняемся от решения проблемы. Я полагаю, главная миссия образования – научить человека критически мыслить и понимать.

Можем ли мы взглянуть на природу религиозного мышления с позиции не накопления знания, но понимания того, как оно функционирует и воздействует на умы людей? Не перекладываем ли мы свои проблемы на религию? Не снимаем ли тем самым с себя ответственность? Ведь часто случается так: совершил дурной поступок, пришёл в церковь, помолился и освободил себя от угрызений совести и ответственности за содеянное. Кто-то верно заметил: не стоит слишком сильно надеяться на Бога, быть может, Бог надеется на тебя. Мне представляется, что всякий раз, когда мы хотим что-либо исправить, полагаясь на другое – религиозные ритуалы, общественное мнение, суеверия, предрассудки и пр., мы, по существу, ничего не меняем и остаёмся беспомощными жертвами обстоятельств, не отвечающими за свои поступки. Вот почему нам не обойтись без осознанного личностного участия и проникновенного понимания того, из чего возникает проблема, как её решить, и что я сам для этого должен сделать. Только это может позволить человеку вырваться из предрассудков прошлого и положить конец деструктивному характеру обусловленного мышления.

Пробуждаем ли мы разум с помощью вопрошания? Можем ли мы использовать вопросы, чтобы найти себя, чтобы со знанием дела исследовать структуру идеалистических и эзотерических практик? Что влечёт за собой объективное познание и понимание того, что нами овладевает и воздействует на наше поведение?

Должен сказать, что есть сотни вопросов, на которые мы можем обратить внимание, чтобы начать пробуждать свой вопрошающий ум – живой, пылкий, любознательный. Но нет необходимости задаваться всем и вся, что нас беспокоит. Ни один разум этого не выдержит. Мы не можем смотреть и учитывать всё, что вокруг нас происходит. Невозможно знать обо всех религиозных верованиях и обычаях для того, чтобы прийти к пониманию главного, субстанционального. Бесчисленные перечисления, сегментирование и детализация вряд ли позволят нам сделать правильный вывод. Ведь суть явления не в наборе тех или иных её компонентов, но в целостной взаимосвязи, единораздельной целостности. То же самое можно сказать применительно к религиозным системам, их смысл – не в самих образующих их элементах, но в антропологической природе человека, в природе его мышления, особенностях мировосприятия и мозговой деятельности. Понять религию можно лишь через понимание самого человека. Поэтому важно понять, что есть мы сами, как мы думаем и ведём себя. Это принципиально важно для осознания всего остального в человеческой жизни. Я полагаю, что религии или религиозные верования были созданы нами, нашим мозгом для умиротворения нашего беспокойного сознания, нашей неутомимой и несовершенной природы. Речь идёт не о разуме отдельного человека или группы, но об общечеловеческом принципе мировосприятия или «имагинативном абсолюте» (Я.Э. Голосовкер), высшем инстинкте воображать ради умиротворения реальности и спасения. Вся история человека тысячелетиями приучала его верить в то, во что он верит. Менялись лишь картины и декорации, но суть оставалась той же.

Теперь давайте посмотрим, что собой представляет привычная религиозная практика, что она выполняет, в чём её предназначение? Вот одно из определений религии, которое даёт *American College Dictionary*: «Религия – это мировоззренческая система, основанная на поиске ценностей идеальной жизни, включающей три составные части: идеал, практику для достижения провозглашённых ценностей и теологию или мировоззрение, связанное с толкованием окружающего мира». В этом издании религия характеризуется также как: «Признание человеком своей возможности контролировать сверхчеловеческую силу с помощью различных церемониальных действий, включающих повиновение, благоговение и поклонение». Итак, попробуем разобраться, как все эти свойства и функции религии влияют на наше поведение в повседневной жизни.

Попытаемся посмотреть на специфику религиозного мышления с позиции его структурного построения. Это прежде всего: а) поиск и конструирование идеальной жизни и б) достижение высших духовных ценностей. Как это возможно, и с помощью каких средств предлагается этого добиться? Быть может, всё это лишь желанное заявление, красивая декламация? Но значимо ли оно само по себе для верующего?

Что значит искать или достигать «ценностей идеальной жизни»? Как принуждает нас мозг действовать, руководствуясь этим посылом? Мозг даёт команду и просит нас изменить наше поведение – искать, достигать и вести идеальную или совершенную жизнь. Каким образом этого добиться? Каковы возможности человека в этом устремлении? Не создаётся ли впечатление, что мышление – это способность или инструмент, который использует разум для достижения поставленной цели? Разве идеальная жизнь не есть воображаемая конструкция, сгенерированная нашим мышлением? Не сама ли мысль провозгласила поиски того, что она задумала – идеальной жизни и неустанного совершенствования во имя высших ценностей?

Когда мысль проявляет себя в научно-технической сфере, она измеряет, сравнивает, рассуждает. Но как ведёт себя мысль, столкнувшись с задачей решения проблем по достижению идеального поведения? Мозг начинает изобретать ответы? Можем ли мы просто посмотреть на то, как мозг это делает? Он просит нас быть «хорошим», жить идеальной жизнью в соответствии с тем, что хочет большинство. Именно так и случается. Мозг даёт нам команду ранжировать воспринимаемые нами картины на «хорошее» и «плохое», он как бы маркирует реальность, показывая нам куда идти, за кем или чем следовать. Итак, мы есть то, что заставил нас воспринимать, различать и оценивать мозг. Исходя из этого, всё дальнейшее наше мышление подчиняется тому, чтобы расчистить для человека путь движения вперёд в соответствии с уже обозначенными мозгом приоритетами (отметками). Всё, что препятствует или не соотносится с этим мыслительным шаблоном, им тут же искореняется. Его цель – устранить «плохое» или нежелательное поведение.

Нам нужно посмотреть на мысль с точки зрения её прикладного функционального характера. Как мысль работает? Понятно, что измерения, суждения и сравнения помогают нам развивать технологии, строить мосты, дома, заводы, делать открытия в науке. Мысль здесь сравнивает, вычисляет, анализирует, синтезирует – и на этом основана вся материальная жизнедеятельность человека. Данная функциональная способность человеческого мозга может творить удивительные вещи, такие как отправка человека на Луну и обратно, высадка космических аппаратов на Марсе, интернет-коммуникация и пр. Но какова роль мысли в психодуховной жизни человека, в его ритуально-символических и мировоззренческих устремлениях, в чувственном опыте – переживаниях, радости, отчаянии, любви, смирении и борьбе?

Возможно ли зафиксировать и распознать, что происходит в нашем собственном мозгу, как ведёт себя мысль, когда мы наблюдаем за её движением? Мысль всегда нацелена на то, чтобы исключить «отрицательное» и подчеркнуть «положительное» в процессе нашего выбора. В интересах заявленного «положительного», так сказать, «профилактически», «на всякий случай» устраняется всё потенциально угрожающее, даже то, что никакой опасности не представляет. Итак, что происходит между желанием устранить «плохое» поведение и исполнить «хорошее»? Здесь начинается борьба за господство «добра» над «злом». В этой борьбе все средства хороши. Именно в эту борьбу включается религиозное мышление. Оно усиливает противостояние, его оправдывая и даже романтизируя. Мозг возвеличивает и прославляет добро, преследует и проклинает всё плохое. Проблема в том, что мозг прикрепляет к этому плохому ещё и всё то, что он просто не распознаёт. Нераспознанное значит потенциально опасное. Но весь драматизм этой ситуации в том, что большая часть нашей жизни состоит именно из этого нераспознанного. Виновным объявляется даже невинный. Хотя известно, что лучше оправдать десять виновных, чем обвинить одного невинного. История религиозного мышления полна этого обвинения.

Религиозное мышление невольно создаёт частокол препятствий, бесконечную гонку за тенью, которую, как известно, нельзя поймать в пугающей темноте? Но поскольку «у страха глаза велики», в эзотерические сети всегда что-то попадает и всегда что-то остаётся не пойманным? Это напоминает известную китайскую головоломку с пальцами, в которой пальцы застревают, пытаясь выбраться из ловушки, то растягиваясь (сужаясь), то сжимаясь (увеличиваясь) в своих размерах.

Разве эта борьба добра над злом затрагивает только межличностные отношения? Очевидно, ареной этой борьбы становится весь социальный мир? Казалось бы, простая ошибка в человеческом поведении способна причинить неисчислимы страдания всему человечеству. Справиться с этим вызовом можно через прямое и открытое наблюдение за ходом собственной мысли, за движением своих чувств. Ведь понимая их природу и слепые деструктивные выпады, мы действительно способны нейтрализовать и умиротворить своё возбуждённое обусловленное мыслью сознание.

Итак, если мы продолжим вопрошание, что будет дальше? Мы уже видели, что сравнительная, оценочная структура или функция мысли (когда только она входит в психологическую сферу, чтобы изменить поведение) вызывает конфликт между желаниями устранить плохое и стать хорошим. Посмотрим ещё раз на эту ситуацию?

40

Что такое идеал? Как мы его достигаем? Какова роль религии в достижении идеальной жизни? Как этот идеал связан с конфликтом? Каким конфликтом? Что делать, когда идёт борьба между добром и злом? Почему пытаясь достичь идеальной жизни, мы, как это ни парадоксально, получаем противоположные эффекты?

41

Если мы изо всех сил стараемся быть хорошими, что мы получаем? Если мы попытаемся быть тем идеальным человеком, которому мы подражаем, или хотим казаться, или, как мы думаем, уже таковым стали – что происходит с человеком, которым мы на самом деле являемся?

42

Ожидаете ли вы, что эта книга даст вам ответы на эти вопросы?

43

И если вы этого ожидаете, разве вы не следуете за чьим-либо мнением или просто добавляете больше знаний к знанию, которое у вас уже есть?

44

Проблема не в том, что мозг приучил нас вычислять и расчленять реальность, теоретизировать её, собирать и хранить информацию. Как же мы можем наблюдать за тем, что на самом деле происходит в нашем мозгу каждое мгновение?

45

Не слишком ли быстро мы дошли до корня проблемы? Возможно, нам требуется глубже взглянуть на привычные идеалистические практики. Быть может, нам нужно двигаться медленнее, шаг за шагом в структуру и в основания идеалистического мышления?

46

Каковы основные принципы идеалистического, и, в частности, религиозного, мышления? Возможно, *вера* и есть самый основополагающий принцип? Посмотрим, создаёт ли вера желанный нам порядок, добро, мир?

47

Опять же, мы зададимся фундаментальным вопросом «можем ли мы определить какова функциональная структура *веры*, какое место она занимает в нашем внутреннем мире и как себя проявляет?»

Что значит верить? Что происходит с умом, когда он верит? Разве вера – это не набор идей, мыслей, концепций или устремлений к идеальному и желанному порядку? Что-то не так происходит сейчас, поэтому хочется, чтобы это произошло когда-нибудь в будущем. Например, я считаю, что могу быть великим спортсменом, я подражаю ему, поэтому я поставил перед собой определённые цели с возможностью стать этим идеалом. А если это применить к религиозным убеждениям. Я верю, что могу стать хорошим, я верю в Бога, который есть идеал добра, и я верю в Рай или в Ад (что является наградой или наказанием за соответствующее поведение). Есть ли существенная разница между постановкой физической цели, например стать спортсменом, и постановкой цели духовной?

Согласно словарю Уэбстера (*Webster's Dictionary*), вера означает «мысленное принятие чего-либо как истинного, даже тогда, когда абсолютная уверенность может отсутствовать». Корень в значении веры – «желать». Синонимы и ассоциативные слова-лексемы «вера»: убеждение, чувство, представление, мнение, уверенность, позиция, настрой и взгляд. Вера означает принимать за реальность то, что желаешь, или абсолютная истина из-за желания видеть её исключительно таковой. Мы принимаем конкретный принцип или убеждение как идеалистическую истину, основанную на безусловной вере даже тогда, когда «абсолютная уверенность может отсутствовать». Для веры не требуются правильные доводы, анализ и доказательства. С помощью вычислений и сравнений веру не понять. Не сильно помогут нам в этом словари и энциклопедии. Здесь важнее всего наблюдать сам мыслительный процесс, который порождает веру.

Какова цель *веры* в религиозном мышлении? Выдаёт ли она желаемое за действительное? Есть ли вера какое-то фантастическое, романтическое или мистифицированное представление о реальности? Жизнь – это полный боли и страданий пережитой и жаждущий опыт. Мы конструируем желанное будущее с помощью воображения, идеалистических представлений о лучшей, но пока что отсроченной жизни. Мы желаем всегда то, чем сегодня – здесь и сейчас, не располагаем. Будущая жизнь противоположна тому, что наша жизнь есть сегодня. Не является ли вера идеалом, воображаемой моделью, ментальной конструкцией того, что мы хотим заполучить в будущем?

Заглянем снова в словарь для того, чтобы узнать, что такое *идеал*. «Идеал – существующая в уме конструкция в виде притягательного образа, желанной фантазии, или воображаемой концепции». От идеала происходит идеализм, который означает: «поведение или мысль, основанную на представлении о вещах такими, какими они должны быть или такими, какими их хотелось бы видеть». Так толкуют словари. Мы воспринимаем это не как экспертную оценку, а лишь как полезное указание, информацию к размышлению.

Итак, есть все основания полагать, что вера, мнение, принятие желаемого за действительное, идеализм, причуды сознания, инсценировки воображения существуют только в голове человека? Если это так, то допустимо ли спросить себя: знаем ли мы о влиянии идеалистического мышления на нашу жизнь? Если мы хотим понять, почему мы бываем такими жестокими, нетерпимыми, непокладистыми и придирчивыми, нам следует в этом разобраться. Традиционные подходы к осмыслению природы насилия в человеческих отношениях либо избыточно романтизированы, либо мистифицированы, либо перегружены всевозможными формулами и расчётами. Вероятно, сам прежний подход есть помеха на пути к пониманию истинных причин конфликта. Создаётся впечатление, что трудности и ошибки понимания загоняются в эфемерные умозрительные и эзотерические прожекты, питаемые верой, идеалистическими ожиданиями и надеждой на то, что кто-то или что-то позволит эти проблемы когда-нибудь разрешить. Но проблемы, трудности и ошибки остаются, запуская обусловленным разумом новый виток иллюзорных ожиданий.

Вернемся к тому, о чём мы говорили ранее: расчёт на то, что мысль сама по себе разрешит все проблемы в психологическом или духовном мире межличностных и межгрупповых отношений не более чем иллюзия. Неконтролируемая нами мысль лишь усугубляет тяжесть и драматизм конфликтной ситуации. Как отмечалось ранее, мысль не может себя контролировать. Проблема в этом. Но то, что мы действительно способны сделать, так это принять данный вызов и осознанно подготовиться к нему. Если мы знаем, как устроено и как функционирует наше мышление, мы надлежащим образом сможем реагировать на его выпады и фантазмы. Тем самым научимся вовремя и с умом регулировать своё поведение. Следовательно, мы сможем понять и нейтрализовать проблему в корне.

И снова вопросы. Является ли вера частью многосоставной функции мысли применительно к психологической сфере нашей жизни? Если это так, то как она меняет наше поведение? Есть ли вера – мерило нашего переживания, акт и продукт обусловленного мышления? Не есть ли сам идеал реакцией на порождённую нашим мышлением проблему? Как этот идеал обуславливает в свою очередь порядок наших действий? Система веры – это прежде всего мыслительный процесс, приводящий в движение наши чувства. Затронутые мыслями чувства устремлены к достижению идеального порядка. И чем драматичнее будет борьба за него, тем ценнее будет сам порядок или представление о нём, даже если этот порядок будет недостижимым. Итак, мы видим, что сам мыслительный процесс способен лишь завести или умиротворить чувства для решения проблемы, но, как это ни парадоксально, почти всегда всё получается, наоборот. И нам остаётся либо разводиться руками, либо снова оказываться в сладостных объятьях самообмана.

Когда мы верим во что-то, нам трудно или даже почти невозможно задавать вопросы. Вера не знает сомнения. Стоит в чём-то засомневаться, как тут же начинают рушиться все «воздушные замки» идеалистической безопасности и эзотерические убеждения? Там, где разум отступает в структуру верования, включается механизм интеллектуального замешательства, когда ум пытается решить проблему с помощью иллюзорного набора эзотерических средств. Но возможно ли удержать разум от этой мистификации и инсценировки? Думается, сам факт наблюдения и осознания такой возможности уже сам по себе важен и эффективен для пробуждения созидательного интеллекта.

Можно бесконечно теряться в трактовках содержания веры, ведь в ней опыт, открытия, переживания, чаяния и заблуждения сотен поколений людей. Часто в истории одно вероучение восставало против другого, менялись пророки, ценности, идеологии, культы. История религии – это не только опыт объединения культур, но и история разделения людей, этносов и поколений. И сегодня это разделение всё ещё не даёт человечеству покоя. Мы являемся свидетелями межконфессиональных распрей между иудеями и мусульманами на Ближнем Востоке, между индуистами и мусульманами в Кашмире, между католиками и протестантами в Северной Ирландии и пр. Мусульманин-суннит, мусульманин-шиит, католик, протестант, православный, старообрядец, иудаист, буддист, индуист, даосист, сикхист, бахаи и многие другие приверженцы религиозных идеологий убеждены в том, что именно их вера самая избавительная, истинная и справедливая.

Быть может, истина распределяется между всеми конфессиями поровну? Словарь определяет истину как такое «качество бытия, которое соответствует реальности и подтверждается опытом и фактами», то есть то, что есть на самом деле, проявляет себя в действительности. Мы либо принимаем эту словарную характеристику истины, либо должны сами её подтвердить или опровергнуть из непосредственного наблюдения за особенностями мышления человека, природой и движением его мысли. Ведь ум (разум) как родовой антропологический признак человека объединяет всех людей независимо от их религиозной, языковой, расовой и этнической принадлежности.

Всякое религиозное мышление основано на вере. Опять же, давайте посмотрим на это беспристрастно, без гнева и упрёка. Вера означает «непоколебимую убеждённость, что не требует опытной проверки и доказательств». Доказательство служит способом верификации фактов и реальности – это «тестирование или попытка установить истину о чём-то». Итак, налицо различие двух концептов: религиозная убеждённость (вера) означает беспрекословное и безусловное принятие провозглашённого порядка (истины), тогда как доказательство стремится тестировать и верифицировать изучаемую реальность на её подлинность.

Возможно, ошибка заключена в двух способах восприятия действительности как в идеалистической религиозной убеждённости, так и в интеллектуальном аналитическом доказательстве. Ведь если мы будем рассматривать тестирование как интеллектуальное упражнение, которое доказывает что-то через последовательный (развёрнутый во времени) анализ, то тогда любой вывод будет регистрировать не ту реальность, которую мы начали изучать в исходной точке, но ту, что пролонгировали в будущее. Наш вывод всегда будет не в отношении исходной позиции (с чего начался анализ), но по последнему выражению (кадрированию) бытия. Тем самым мы вновь удаляемся из актуального наблюдения («здесь и сейчас») как неперемного и главного условия для понимания реальности, а также тех когнитивных искажений обусловленного мышления, которые мешают человеку воспринимать мир таким, каким он на самом деле является.

Однако доказательство в чистом виде возможно лишь через прямое наблюдение за изучаемым объектом. Мысленный взгляд способен схватить смысл явления (факта) без какой-либо отсрочки. Тогда как анализ и систематизация, разъяснение и убеждение расчленяют реальность, разбивают её на части и растягивают её во времени. Это обстоятельство разрывает связь между объектом изучения (наблюдения) и выводом. Исходный объект относится к одному временному отрезку, вывод (доказательство) – к другому. Это не может не создавать недоразумение и путаницу. Таким образом, религиозная убеждённость и аналитическое доказательство всякий раз промахиваются, отклоняются от объекта, проходят мимо живой реальности. Но при этом принимают за действительность лишь свои мыслительные конструкции (проекции воображения).

Вера перегружена непоколебимой убеждённостью, тогда как доказательство или тестирование перегружено анализом, расчётом и абстракциями. Кроме того, и в том и другом случае есть временной разрыв между объектом наблюдения и знанием о нём, в результате которого размывается актуальное настоящее. Религиозная убеждённость держится на избыточной привязанности к прошлому или желанному будущему, доказательная аналитика всякий раз запаздывает со своим рационалистическим взглядом, который либо уже изменился, либо «застрял» в прошлом, то есть имеет дело не с реальным объектом, но с его шаблоном, мыслительной копией. Между тем понимание всегда основано на прямом наблюдении, что позволяет видеть и распознавать объект таким, каким он на самом деле является.

Пойдем дальше. Несмотря на то, что вера не терпит сомнения, разве она не является реакцией на одолевающие человека вопросы, растерянность, неопределённость? Чтобы избежать томительного допроса неугомного и придирчивого разума, на помощь человеку приходит вера, которая всё ставит по своим местам и где для сомнения просто не остаётся места. Выходит, что разум стал опасаться самого себя, своей способности вопрошать, риска запутаться в своём собственном мышлении. В этой ситуации разум уподобился тонущему, ищущему спасения в чём-то незыблемом, устойчивом, непотопляемом, за что можно ухватиться, и именно вера или религиозная убежденность стали для отчаявшегося разума таким спасательным кругом.

Религиозное мышление также зависит от *надежды*, которая определяется как «желание, сопровождаемое ожиданием». Надежда не есть вера, но разве она не обозначает то же самое? Надежда, вера, религиозная убежденность – все эти концепты и состояния возникают в процессе мышления в попытке решить проблемы взаимоотношений через перевод прошлого опыта в мир идеального (желанного, воображаемого) будущего. Но могут ли проблемные отношения сегодняшнего дня решаться не здесь и сейчас, но в будущем, которого в настоящем просто нет? Такие попытки предпринимались в истории всегда. Но все они были тщетны.

Некоторые считают, что нам необходимо ещё больше веры или идеальная стратегия, некий сверхплан, который позволит решить все проблемы. Не обманываем ли этим мы себя снова? Ведь будущее, как мы уже показали, по факту не существует, оно есть ожидаемое бытие, мыслительная конструкция. Как же мы можем решить свои проблемы в несуществующем времени? Путаница возникает из-за того, что мы свою внутреннюю индивидуальную обеспокоенность переносим вовне, в большой социальный мир, полагая что общество или выдуманная идеология смогут за нас нашу проблему решить. Однако, очевидно, что корень проблемы, её причина и, следовательно, способ её решения находятся внутри нас, в самой работе человеческого разума. Именно живой и творческий интеллект посредством своего прямого и пронизательного наблюдения предоставляет человеку возможность для истинного понимания смысла вещей. Тем самым умелое и правильное управление своим интеллектом позволяет индивидууму разрешить самые трудные проблемы.

Концепция *благотворительности* также важна в некоторых религиях. В западной теологии или вере *милосердие* означает «любовь к ближнему». Это замечательное и благородное качество предполагает любовь, добропорядочность, отзывчивость, помощь, заботу, внимание, сочувствие и пр. Всё это, безусловно, достойные намерения. Но как они осуществляются на деле? Ключевое слово здесь – *любовь*. В самом общем плане, любовь – это сильная привязанность или чувство нежности и доброжелательности к другому, самопожертвование. Очевидно, что все мы определенно нуждаемся в большей и бескорыстной любви такого рода. Однако любовь в этом смысле сегодня кажется не такой распространённой, как того хотелось бы. Часто мы сталкиваемся с суррогатами любви, с эгоцентрическим себялюбием и нарциссизмом. Мы слышим: «Я люблю деньги», «Я люблю вкусную еду», «Я люблю путешествовать» или даже романтические и похотливые реплики типа: «Я люблю твое тело», «Я люблю заниматься с тобой любовью». Действительно, любовь, пожалуй, самое употребляемое и злоупотребляемое слово в мире.

Мы говорим о благотворительности или любви в религиозном смысле. Здесь любовь означает не только любовь одного человека к другому, но и *«преданность* и стремление человека/человечества к Богу как к наивысшему благодетелю». Многие богословы утверждают, что большинство установок и значений религиозной любви интерпретируются по-разному, и не всегда корректно. Всё зависит от правильного понимания Библии. В нашем случае мы не пытаемся сослаться на священное писание, но лишь хотим уважительно прояснить значение того, что называется «религиозной благотворительностью или любовью».

Разве религиозная любовь не подчиняется принципу когнитивной деятельности обусловленного мышления? Другими словами, всякая любовь всегда исходит из определенных высоких требований и идеалов. В западном богословии есть даже заповедь и религиозное обязательство: «Люби!» Здесь любовь как приказ, долг и обязанность, следование, подчинение идеалу. Как видим, любовь может иметь в религиозной практике не только свободу выбора, но и беспрекословное подчинение идеалу.

68

Может ли любовь быть условной или всегда безусловной?

Возникает ли любовь благодаря замыслу или изречениям, морали? Основана ли любовь на суждении и сравнении, соотнося поведение человека с каким-то идеалом? Или любовь возникает сама по себе, спонтанно, произвольно, без какого-либо замысла?

70

Приучены ли мы любить через систему наказания или вознаграждения?

71

Любовь к мысли?

72

Можем ли мы достичь настоящей любви?

73

Быть может, важнее понять, что предотвращает любовь,
чем то, что вызывает любовь?

Мешает ли вера любви? Препятствует ли убеждённость любви? Как соотносятся друг с другом понятия «любовь» и «милосердие»? Основана ли любовь на мыслительном процессе или это только чувство? Любовь обращена в прошлое, настоящее или будущее?

Приводит ли человека обычная благотворительность или любовь к состоянию внутренней гармонии, целостности и порядка? Или любовь, основанная на вере, может также создавать дисгармонию, разделение, беспорядок и, следовательно, конфликт? Существует ли двойная зависимость или противоречие между любовью как заповедью и любовью как свободным чувством? Распространяется ли «любовь к ближнему» на нелюбящих и грешных? Где границы любви, и что есть поле битвы за неё? Быть может, ареной битвы выступает противостояние Добра и Зла? Может любовь быть разрушительной, или её стихия – созидание и приумножение?

Разве любви не свойственно мыслить и понимать? Понимать – значит осознавать сущность, знать природу или смысл чего-нибудь. Возможно ли добраться до истины через любовь? Или любовь есть сама истина? Основана ли религиозная любовь на понимании, или это только безоглядная вера? Рассуждая о любви, мы уже, тем самым, формируем для себя своё о ней представление. Возможно, мы романтизируем любовь как понятие. Но позволительно ли использовать любовь как синоним понимания, интеллекта, восприятия, знания? Если это так, тогда у любви есть перманентная актуальность, которая выходит за рамки нашей изолированной жизни и затрагивает ту универсальную сущность, которая наполняет смыслом все наблюдаемые нами вещи.

Рядом с любовью стоит другая ценность, именуемая *преданностью*. Давая торжественный обет (Богу), человек посвящает себя послушанию или служению тому или иному Идеалу. Обет включает в себя и торжественное обещание любви. Нас просят отдаться Богу или какому-то идеалу. Кого-то могут попросить дать официальную клятву при посвящении или участии в религиозном таинстве. Есть ли в этом какая-либо интеллектуальная составляющая? Где здесь свобода? Не является ли такая преданность лишь реакцией на обусловленность нашего мышления, принуждающего человека действовать в соответствии с «правильным» и «выгодным» поведением? Не вызывает ли такая обязательная преданность слепой фанатизм и скрытое насилие? История знает много случаев, когда во имя священной любви и преданности Богу использовали насилие и жестоко убивали тысячи и тысячи невинных людей. Не виновата ли здесь свойственная нашему мышлению всё та же фундаментальная психоментальная двойственность, вынуждающая человека подменять своё восприятие мира навязанными ему шаблонами (предрассудками) обусловленного разума и тем самым принудительно действовать в интересах внешних сил?

Как нам выйти из зависимости от насилия? Религии призывают покаяться и просить прощение за содеянные *грехи*. Но что такое *грех*? Не есть ли *грех* преступление против идеала, установленного религиозными институтами во имя послушания? Не есть ли *грех* поведение, отклоняющееся от идеала? Если это так, то почти все люди, и прежде всего те, кто не поклоняется этому идеалу, неверующие, обречены на *грех*. Их жизнь протекает вне церкви, следовательно, им ничего не остается, кроме того, как «грешить», ибо соответствовать идеалу никто никогда не сможет. Все идеалы ориентированы на будущее и требуют от человека избавиться от «плохого» в пользу «хорошего». «Плохое» – это и есть *грех*. *Грех* опасен. Он порождает насилие и хаос. Но, борясь против плохого, не впадаем ли мы в ту же самую зависимость от насилия? Разве *грех* не там, где насилие? Получается парадоксально, но в этой логике событий следовать за добром в общепринятом смысле грешно. Следовательно, процесс достижения «хорошего» и устранения «плохого» сам по себе деструктивен, потому что основан на конфликте. В состоянии конфликта стирается грань между добром и злом. В конце этой непримиримой борьбы они просто становятся неразличимыми. Но там, где нет различия – не может быть знания и понимания, там темнота и гибель.

Прощение означает пропускать, избавлять, освобождать от вины или порицания. По сути, разве это не значит забывать? Вина означает помнить о содеянном, о проступке достойного осуждения. Каждый может видеть это на своём личном опыте, когда ощущает свою вину перед кем-то. Здесь нет особой загадки; это простая функция мышления. Побуждает ли религия людей чувствовать себя виноватыми? Может быть, в этом есть пропедевтическая установка не допустить вражды и агрессии? Может с этого начинается пробуждение совести, правильные поступки, нравственное поведение, всё то, что должно соответствовать общепринятому идеалу? И здесь, опять же, мы попадаем в зависимость от инсценировок обусловленного мышления. Человеческое мышление как автомобиль, несущийся на большой скорости по магистрали жизни. Виноват ли автомобиль, который мотивирует нас на поиски «идеальной жизни» и всепрощающего Бога? Избавляет ли это прощение от вины? Делает ли оно нас невинными? Пытаясь психологически изменить человеческое поведение, обусловленное мышление трансформируется в систематизированную стратегию идеалистического контроля, которую он называет религией.

Есть известная поговорка: «Простить – значит забыть», но нам когда-нибудь позволяла религия забыть? Как мы можем забыть, когда мы попадаем в бесконечный круговой конфликт в мышлении? Одна сторона мышления говорит, что это плохо, и это зло должно быть устранено. Другая сторона говорит, что мы должны опереться на лучшее в нас, достичь добра и преодолеть зло внутри нас. Но что это за напасть? Это то, что мы есть: мы сами, не так ли? Дело в том, что мы разные: добрые, милосердные, жалостливые, отзывчивые, злые, жадные, ревнивые, похотливые. «Человек, словно в зеркале мир, – многолик. / Он ничтожен – и он же безмерно велик!» (Омар Хайям).

Осуждая в нас плохое, эзотерическое мышление взывает нас следовать идеалу, с помощью которого мы можем избавиться от своего порока. Однако, если мы собираемся достичь того, что мы должны, то есть идеального совершенства в облике непогрешимой добродетели – тогда мы обязаны устранить и избавиться от своей многоликой человеческой природы со всем её хорошим и плохим, то есть, по существу, избавиться от самих себя. Другими словами, с человека требуют уважать воображаемое, идеальное и искоренять актуальное, реально существующее. Добиться этого возможно лишь отстранившись полностью от себя, через самоотрицание. Не утопическая и не воинствующая ли эта стратегия? Ведь в конечном счете нам пришлось бы уничтожить друг друга, ибо в каждом есть и хорошее, и плохое.

Религия, особенно на Западе, основана на *страдании* или *печали*. Мы можем пойти в церковь и увидеть все символические напоминания: изображения страждущих, кровавые и покрытые шрамами жертвы насилия; плач людей о спасении; смущенный стон заблудших душ. Сам процесс покаяния, искупления, молитвы и культа предрасполагает к страданию. Хотя известно, что от страдания до конфликта – один шаг.

Есть много форм страдания. *Страдания* и *печаль* ощущаются нами в болезни и недомогании, или от потери ближнего, когда умирает тот, кого вы любите. Однако многие страдания, даже физические, имеют свои корни в психологическом давлении на нас внешних сил, связанных с осуждением, порицанием каких-то проступков, принуждением к идеалу и пр.

Мы видим экономическое неравенство в мире, вызывающее голод и страдания. Экономисты и социологи написали много книг с предлагаемыми теориями достижения равенства и справедливости, но большинство людей по-прежнему страдают от неравенства и ущемления их прав и достоинства. Достижение равенства – это дело лишь экономики? Теперь мы знаем немало случаев, когда в ситуации перепроизводства и в интересах своих сверхприбылей уничтожаются огромные запасы продовольствия, которым можно было бы накормить тысячи и тысячи голодающих. Благодаря благотворительным организациям и щедрым пожертвованиям филантропов удаётся отчасти накормить голодных, но фундаментальную проблему неравенства всё ещё решить не удаётся. И это на этапе перехода к четвёртой промышленной революции. Вероятно, перед нами более глубокая проблема, чем она представляется? И она лишь приумножает страдания людей?

Быть может, мы страдаем, потому что мы – разделенная человеческая раса, изолированные друг от друга культуры со своими верованиями, языками, традициями, ценностями, порядками и пр.? Это разделение – принципиальный пункт в понимании конфликта. Нам необходимо посмотреть, что разделяет нас, чтобы увидеть, как нам объединиться. На пути к объединению люди не перестают страдать. Одна из причин этого страдания – попытка достичь идеала, целостности. Дело в том, что сам процесс объединения многие народы разделяет в силу неравных их стартовых позиций, экономических и политических возможностей. Всё это подрывает саму веру в объединение и зачастую оборачивается всплеском вражды и насилия.

86

Является ли страдание, по сути, искусственным (привнесённым) состоянием человека?

История свидетельствует, что все попытки положить конец *страданиям* через религию, через идеалистическое мышление фактически лишь тиражируют человеческие мучения. Больше того, на этих мучениях зачастую безмерно наживаются. Вот почему так важно понять, куда уходят корни человеческого страдания? Почти во всех случаях психическое страдание обусловлено деструктивным возбуждением мысли, которая не находит покоя между внешним принуждением и внутренним желанием. Способен ли человек выбраться когда-нибудь из этого порочного круга?

Если бы мы использовали свои прямые наблюдения как зеркало для отображения движения беспокойной мысли, тогда у нас появился бы шанс понять, что в нас истинно, и что ложно. Конечно, всё это сделать непросто. Но нельзя не признать, что, наблюдая за собственными мыслями без посредников, здесь и сейчас, разве мы не выбираемся из этой когнитивной неразберихи, из порочного круга непонимания, конфликтов и страданий?

Религии невозможны без обожествления внешних сил и *поклонения* им. Почитание, или преданность Божеству, *служение* ему через культы и ритуалы – на этом строится вся религиозная деятельность. Когда мы кого-то или чего-то обожествляем, кому-то или чему-то поклоняемся, что мы ощущаем и как себя ведём? Мы взываем к помощи Бога или Богов, воздаём должное религиозным деятелям и поклоняемся святыням, молимся и совершаем ритуалы. Мы обращаемся всякий раз к внешним силам. В этом, мне представляется, есть противоречие. Мы разделяемся на того, кто поклоняется, и на того, кому поклоняются; мы проецируем наши желания на другого и ищем для себя в этом спасение.

Человек поклоняется всему тому, что имеет божественную природу. Быть божественным значит быть богоподобным или вдохновенным Богом. Это высшее благо, совершенный идеал. Способен ли его достичь простой смертный? Вопрос риторический. Очевидно, человек не может быть Богом или быть в высшей степени таким же, как Бог, хорошим, благообразным, по крайней мере, на Земле. Хотя бы потому, что человек смертен, а Бог бессмертен. Смертный должен стремиться всю свою жизнь стать подобным высшей добродетели, чтобы обрести жизнь вечную. Люди должны поклоняться, должны продолжать желать этого состояния совершенства, чтобы достичь его в жизни другой, «на небесах». Это напоминает историю с лошадью, привязанной к веревке с морковкой, выступающей из-под неё. Когда лошадь движется вперед, чтобы попытаться откусить морковь, морковь тоже движется вперед и так, пока измотанная лошадь не падает от разочарования и голода.

Чтобы иметь смысловой контекст для церемонии *поклонения*, используется *ритуальная служба*. Удивительно, сколько разных способов сконструировал разум, чтобы сделать ритуальный процесс эстетически и символически притягательным. Бесконечные песнопения, подношения, благословения и прикосновения – всё подчиненно тому, чтобы достичь неуловимой, но желанной Благодати. Этот же процесс с другим набором церемониальных действий используется для изгнания злых сил. Некоторые эзотерические обряды с целью умиловить высшие силы и заполучить благодать принуждали к жертвоприношению животных. В архаических и средневековых религиозных традициях жертвами становились даже люди. Известны крестовые походы, показательные казни с сожжением на костре, инквизиции, погромы, истязания – и всё во имя Идеала и Благодати. Иногда кажется, что эти ужасающие истории больше напоминают служение Дьяволу вместо поклонения Богу.

Не ищем ли мы в божественных образах наши собственные спроецированные желания? Может быть, смысл идеалов постигается через понимание того, как работает и чему служит человеческая мысль? Могут ли смертные вызвать то, что «бессмертно»? Не обречены ли мы всякий раз испытывать бесконечное разочарование и конфликт при попытке сделать это?

Мы снова и снова обсуждаем одну и ту же фундаментальную проблему с разных сторон, основываясь на парадигмах обусловленного мышления. Мы не анализируем религию как таковую, но скорее пытаемся наблюдать за природой нашего мозга и структурой мышления, которые, собственно, и порождают все эзотерические культы и практики. Отражение наших душевных состояний, переживаний и чаяний можно увидеть в тех внешних структурах, атрибутах и действиях, которые обусловленный разум и создает. Мы можем использовать эти структуры в качестве зеркала для фиксации и понимания нашего психического состояния. Мы спасаемся от невзгод жизни, от своей родовой (антропологической) недостаточности или мыслительной избыточности в идеалистических проектах нашего воображения. Исходя из этого, я полагаю, что наша беспокойная мысль и создала религию, хотя мы страстно хотим верить, что религия пришла к нам от Бога. Быть может, прав тот, кто утверждает, что «Бог – понятие, которым измеряется человеческая боль»?

В рамках религиозного поклонения некоторые практики включают признание, откровение, *исповедь*. Разве признание не есть процесс облегчения боли, освобождения себя от вины, от психологического давления внешних сил? Поскольку достичь идеала, провозглашенного идеалистическим мышлением, по существу, невозможно, мы всякий раз попадаем в бесконечный водоворот самобичевания и страдания. Мы просим прощения и стараемся быть хорошими, но снова и снова нас мучает совесть из-за присущего человеку несовершенства.

Мы молимся и в зависимости от нашей культурной обусловленности просим помощи в решении проблем у конкретного Бога нашей религии. Что такое *молитва*? Мы тихо и проникновенно произносим священные слова. Мы умоляем Бога помочь нам избавиться от *греха*. Некоторые люди даже верят, что Бог говорит в их молитве. И здесь не место сомнению – всё основано на открытости и доверии.

Но молятся не только простые и честные люди, но и те, кто хочет что-то заполучить в своих неблагоприятных деяниях. Молятся не только праведники, но и злодеи, жаждущие власти и насилия. Всегда находятся те, кто лучше всего «знает» как умиловить Бога, с помощью этого заполучить желанную власть над другими. Знание удел немногих и этим всегда пользуются. Люди следуют за «сведущими». Так зачастую создаются деструктивные отношения между теми, кто знает и наделён властью и теми, кто от этой власти и знаний зависит.

Большинство людей просто находят утешение в тихой молитве, в признании своих страданий, *греха*, печали и ожиданий, прося у Всевышнего милости и прощения или успеха и жизненного комфорта.

Мы просто разговариваем сами с собой, когда молимся, и наш собственный голос отвечает нам как эхо в горном перевале. Самообман ли это или есть ли какая-либо связь с фундаментальными основами нашего мышления и мировосприятия?

99

У кого мы просим помощи? Может ли идеализированный образ помочь решить проблемы, вызванные всё теми же идеализированными представлениями?

Мы всецело предаёмся молитве во имя воображаемой ценности. Почему мы должны в это поверить и возложить на другого то, за что мы в ответе сами? Какая ставится цель? Разве мы не пытаемся с помощью мистификации освободиться от *грехов*, приблизиться к Богу и стать Богоподобным? Не возлагаем ли мы на Бога то, что, быть может, Бог возлагает на нас? Не снимаем ли мы с себя ответственность, вымаливая у Бога заботу о себе? Поражает то, что снятие с себя ответственности приносит молящемуся большое чувство облегчения и радости от обретённой возможности перевести на кого-то заботу о себе, при этом продолжая пребывать на путях своей беспокойной и небезгрешной жизни. Так мы принимаем Бога в нашу жизнь. Мы плачем и радуемся, что теперь мы спасены, ведь мы передали право защищать нас другому. Но спасены ли мы на самом деле, не беря на себя ответственность за свою жизнь? Не переводим ли мы свои мучительные переживания и психологический конфликт в другое измерение? Ведь проблема никуда не ушла, и нам придётся к ней снова вернуться и взять на себя ответственность за самообман и упущенные возможности?

Мы мотивированы делать добро из-за страха наказания (к примеру, попасть в *Ад*) или возможности спасения (оказаться в *Раю*). Некоторые религии оказали огромное влияние на психику, только пугая перспективой ниспослания человека в Ад и сопутствующих этому проклятий. Ранняя американская религиозная история полна огня, истязаний и нагнетания страха. Но оправдана ли была такая жестокая ставка на насилие, наказание и запугивание? Можно ли мотивировать на добрые поступки через принуждение или вознаграждение? Способны ли угрозы сделать человека хорошим? Быть может, смысл добра во внутреннем преображении, и добро приходит к нам через ответственное понимание самих себя?

Почему у нас такой жестокий и дикий подход к достижению добра? Вот в чём вопрос. Желание быть хорошим – это естественная потребность человека. Разве привнесение добра есть прерогатива религии (как иногда пытаются представить себе теологи, по крайней мере, на Западе)? Подменяя роли и понятия, узурпируя право «распорядителя» добра, эзотерические движения на самом деле создают и поддерживают противоположные благим намерениям устремления? Мы всё ещё находимся во власти предрассудков идеалистического мышления, нас приучили думать и действовать по привычке. Но стоит одному задать правильные вопросы, как мозг тут же пробуждается, чтобы зажечь огонь интереса, присмотреться к самому себя, взять на себя ответственность сделать мир хотя бы чуть-чуть лучше – справедливее, безопаснее и добрее.

Мыслительная деятельность человека, подчиняясь внешним силам, склонна притупляться. Она усыпляется рутинным повторением организованного порядка нашей повседневной обусловленности. Порядок слов, жестов, поступков, событий, обычаев – всё это, вероятно, удобно, но не способствует пробуждению и творческой активности нашего интеллекта. Какой запрос жизни может наш мозг расшевелить? Какие слова могут вдохновить нас, прояснить и призвать к тому, чтобы ещё раз задуматься, хотя бы на минуту взглянуть на самих себя, свой внутренний мир и прочувствовать свою социальную сопричастность и ответственность за происходящее?

Хотим ли мы жить *вечно* и зачем нам это нужно? Почему религии обещают жизнь в загробном мире, свободную от печали и страдания? Во многом это от того, что мы не знаем, что делать с наши проблемами в мире земном. Мы в отчаянии начинаем верить в самые разные вещи, причуды, концепции, предрассудки, поскольку не понимаем, как разрешать навалившиеся на нас сегодняшние проблемы в жизни личной и социальной. Мы все сталкиваемся с вопросом «что делать?» И всё чаще остаёмся без ответа на него. Мы потерялись в лабиринте запутанного мышления, где каждый выставляет себя авторитетом, советуя, как поступать, во что верить, к чему стремиться и так далее? Можем ли мы отложить все это в сторону и просто посмотреть непредвзято на нашу жизнь, воспринять реальность такой, какая она есть со всеми радостями и тревогами, а не пытаться оценивать её с позиции: как должно или не должно быть?

Что значит жить *вечно*? Это не только эзотерический или философский вопрос. Кто желает жить вечно? Возможно ли просто наблюдать за своим умом, когда возникает это желание? Какие действия мы предпринимаем в жизни, чтобы это желание исполнилось? Мы идём в церковь и молимся о вечной жизни или пытаемся что-то сохранить, оставить после себя для вечности?

106

Является ли *вечная жизнь* спасительным вознаграждением за нашу достойную праведную жизнь?

107

Что такое *смерть*? Как религия подходит к этому вопросу? Это вопрос настолько сложный, что путь к нему очень простой.

108

Что значит умереть физически? Были проведены психологические исследования людей, которые пережили состояние клинической смерти, но затем вернулись к жизни. Но история умалчивает о тех, кто ожил после смерти. Почему мы боимся умереть?

109

Неизвестна ли *смерть*?

Чего же мы боимся: *смерти*, уйти в никуда, превратиться в ничто, исчезновения, вечного сна, полной темноты или пустоты? Не бывает страха самого по себе, мы всегда боимся чего-то? И это «чего-то» есть наши собственные представления, образы, которые нас пугают. Почему религия сумела так сильно мистифицировать простую реальность и научилась управлять нашими *страхами*? Не есть ли это ещё один способ контроля за нашим поведением? Быть может, смерть эксплуатируется религиозными институтами, чтобы они могли сохранить свою власть над нами? Ещё раз подчеркну: я никого не хочу осуждать, заниматься нравоучениями и давать оценки. Всё что мне нужно – это прояснить для себя беспокоящие меня вопросы и отделить, по возможности, правду от вымыслов.

Вы можете сказать: «Позвольте мне найти себя, если то, что вы говорите, правда». «Дайте мне разобраться в том, что меня тревожит – понять, что я хочу, во что верю и как мыслю». Чтобы посмотреть на себя непредвзято и отличить правду от лжи, нужно отбросить всё лишнее – предрассудки, чужие мнения, оценки, суждения и сосредоточиться на том, как ты мыслишь. Узнать себя, означает понять, как ты воспринимаешь мир и как ты можешь его изменить к лучшему.

Между тем мы начинаем с самого детства навязывать ребёнку сторонние и посторонние принципы (мнения). Будто ребёнок в чём-то провинился и виноват. Некоторые слишком набожные люди даже считают, что ребенок рождается с «первородным грехом», и этот грех нужно всячески подавлять. Но всё это лишь опасные инсценировки обусловленного разума, принуждающего нас всегда быть настороже, начеку, видя во всем и везде потенциальную опасность. На этой почве и возникают конфликты, и усиливается страдание. Большинство людей полагает, что своим жёстким воспитанием они проявляют заботу о ребёнке, любовь к нему. Эта странная любовь готовит ребёнка подчиниться тому, о чём думаем мы, стараясь сделать так, чтобы ребёнок походил на нас, думал и поступал как мы. На этом во многом основано традиционное *обучение детей*. Но при таком подходе всё, чего мы можем добиться – эта заставить ребёнка страдать, так же как страдаем мы. Разве мы хотим этого? Разве мы намереваемся усмирять живой и наблюдательный детский разум и подменять его запутанным мышлением взрослых? Не мудрее было бы оставить пылкий детский ум в покое или еще лучше, вместе с детьми учиться наблюдать и размышлять, смотреть на мир прямо, открывая в нём для себя маленькие, но важные истины? Ведь именно так начинается пробуждение интеллекта, созидательный и осмысленный контакт с большой жизнью.

**Часть III
О реальных
и мнимых идеалах**

**Part III
About the Real
and Imaginary Ideals**

Затронем вопрос о *религиозном образовании*. Цель образования – пробуждать интерес к знанию, воспитывать детей, раскрывать и развивать их способности, умение самостоятельно мыслить. Пока мы не отстраняемся от живого и наблюдательного мышления детей, их *творческой* активности – эта миссия образования выполнима. Но стоит нам подавить проникновенное детское восприятие и перейти к его принуждению со стороны внешних сил, как развитие останавливается и всё замирает, подчиняясь безжизненным схоластическим схемам.

Целесообразно развивать разумный диалог между детьми и взрослыми о том, как различать реальные и мнимые идеалы, как не стать жертвой предрассудков, пробудить свой интеллект для пользы жизни и недопущения конфликтов? Здесь важно оградить детей от ловушек обусловленных представлений, псевдознания, идеалистических спекуляций, которые настойчиво стремятся превратить их в бренд фрагментарного мышления?

Между тем обсуждать эти вопросы не так просто. Традиционные государственные школы могут не допускать такого диалога, тогда как многие частные школы строятся на принципах религиозного образования. Но как быть с теми из нас, кто видит необходимость такого запроса? Конечно, многое зависит от семьи, от умения родителей прививать детям самостоятельное мышление, основанное на *творческом и гуманистическом образовании*, наблюдательности, открытости и миролюбии.

Возможно, кому-то удастся открыть школы, где основная цель будет состоять в пробуждении интеллекта, свободного от предрассудков, и в равноправном созидании культуры мира, красоты и добра, основываясь на силе знания, понимания и уважения. Однако такие школы не могут быть построены вокруг одного или нескольких человек, которые завладеют властью и начнут ею пользоваться в своих корыстных интересах. Такая ловушка всегда и везде подстерегает нас. Поэтому каждый участник образовательного процесса должен иметь право сохранять свою самостоятельность в мышлении и творчестве. Если один или два человека выступают в роли лидера, и они навязывают свои взгляды другим, свободный мыслительный процесс подменяется давлением спекулятивных представлений, единственной целью которых является власть. В этой атмосфере нет мира, но лишь разногласия, нетерпимость и конфликты.

Важно всегда иметь возможность обсудить свою жизнь. Но не всё так просто. Часто случается, что этому препятствуют надуманные схемы и оценки тех, у кого всегда на всё есть ответы. Человек, самолично объявивший себя «авторитетом», эгоцентричен и ревнив, он признаёт только своё знание и навязывает его другим людям. Этот «авторитет» может говорить красноречиво, но это всего лишь риторика, за которой скрывается намерение заполучить и закрепить своё влияние над умами других. Конечно, сама по себе роль настоящего авторитета в социальной жизни весьма велика, особенно если этот авторитет заслужил открытое признание людей, которые благодаря ему научились думать самостоятельно. Авторитет также жизненно необходим и значим тогда, когда речь идёт о фундаментальных науках, где без помощи эксперта обойтись нельзя. Мудрый и свободомыслящий наставник также может быть исключительно полезен в воспитании творчески развитой личности.

Если мы заинтересованы в рассмотренных нами вопросах, необходимо подвести некоторые итоги. Нужно быть предельно осторожными и не допускать легковерия, чтобы не попасть в ловушку идеалистического мышления. Мысль может нас запутать в силу своей обусловленной природы, но мысль способна также нас спасти, если мы научимся наблюдать за ней и правильно использовать её креативные возможности. Мысль – благо, если нам удаётся пробудить с её помощью интеллект. Мы не можем контролировать мысль, но мы способны это осознать и понять, тем самым вовремя обезопасить и защитить себя и других от идеалистических спекуляций, эзотерических манипуляций и претензий. Понимание делает мысль спасительной, созидательной и благотворной для человека.

Образование происходит от латинского educationare, что означает «разведение, возведение, развитие, движение вперёд». Это не значит приучать, обуславливать. Это означает творить, порождать, лелеять и поддерживать. Настоящее образование не отвергает религию как таковую. Сам по себе просветлённый религиозный ум пронизателен и полезен. Настоящее гуманистическая образование призывает следовать не шаблонному мышлению и идеологическим утопиям, но развивает навыки самостоятельного и креативного познания, способность пробуждать интеллект и получать умные ответы на жизненно важные вопросы.

Каковы основные составляющие образования? Вопросание – это самый важный инструмент познания. Другим инструментом является сомнение. Вот почему полезно критически анализировать, казалось бы, очевидные подходы к жизни, авторитетные высказывания и видения. Человеку нужно сомневаться и не принимать скоропалительно на веру всё то, что написано, проговорено и услышано. Не исключение и эта книга, которую сейчас мыслящий читатель воспринимает и оценивает. Важно научиться наблюдать за ходом мысли, понимать проблему, делать самостоятельные суждения и всегда двигаться вперёд, сея разумное, доброе, вечное...

Можем ли мы ответить на все поставленные фундаментальные вопросы? Достаточно ли тех текстов и контекстов, которые представлены в этой книге для того, чтобы запустить мысль? Быть может, нам стоит научиться внимательно наблюдать за происходящим в нашей жизни? Побуждает ли данная книга читателя задуматься над тем, что лежит за пределами этого издания? Наблюдайте и вникайте в существо своих мыслей, думайте самостоятельно над вызовами жизни и изложенными в книге доводами для того, чтобы их принять или отклонить? Помните, что самообразование и неустанное следование за мыслью, умение правильно ею распорядиться есть основа любого интеллектуально продвинутого образования.

122

Так ли это на самом деле? Кто кроме нас самих может это подтвердить?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

CONCLUSION

Я исхожу из того, что читатель сможет самостоятельно продолжить начатый разговор в актуальных практиках своего жизненного опыта и своих гуманитарных изысканий. Помня о том, что ключом к науке является вопросительный знак, я стремлюсь задавать вопросы не столько для поиска на них готовых ответов, сколько для того, чтобы прочувствовать и запустить мысль, пробудить интеллект и зафиксировать опорные точки реального понимания и построения ненасильственного мира. Обременённая обусловленным (трафаретным) мышлением мысль слишком увесиста и неуклюжа для проникновенного и утончённого анализа деликатной темы.

Здесь нужен свободный, пылкий и креативный ум, способный «разглядеть что истинно, что ложно», достучаться до главного, добраться до порога первозданности, невинности, безмятежности, тогда как вся эзотерическая мысль (спекулятивные идеалистические концепции) подчиняет себе истину, заточает реальность в прокрустово ложе своих собственных амбиций.

Автор надеется, что читатель не будет воспринимать книгу как некий вызов религиозному сознанию. Я не выступаю против религии и не пропагандирую атеистическую философию. Книга совсем о другом.

Её основной замысел – подвергнуть сомнению обоснованность психодуховных и ритуально-символических практик по нейтрализации страха и конфликтов с целью достижения идеального состояния добродетельной невинности, которые включены в структуру многих традиционных религиозных обрядов. Как это ни парадоксально, идеалистические (эзотерические) движения и порядки в своём стремлении умиротворить общество нередко лишь приумножают ненависть, страх и насилие. Неслучайно говорят, что благими намерениями зачастую прокладывается дорога в ад.

Действительно, история свидетельствует, что даже в самые религиозные времена, когда вся социальная жизнь регламентировалась обычаями и обрядами, человек наталкивался на ложь, злобу, страх, вражду и насилие.

При этом нельзя не признать, что сами по себе поддерживаемые религией общечеловеческие ценности, всё то, что мы называем «хорошим поведением» и практики культивирования в себе высоких чувств, основанных на добре, вере, любви, щедрости, справедливости, сострадании, сотрудничестве и пр., исключительно важны для людей. И здесь я в полной мере солидарен с безусловно позитивным и благодатным участием религии в защите и продвижении гуманистических принципов.

Мой подход отличается от религиозной идеологии только тем, как эти принципы и ценности мы должны проявлять в реальной жизни – через организованную веру, которая во многом основана на шаблонах и предрассудках обусловленного мышления, или через пробуждение интеллекта, творческого ума, способность понимать природу деструктивных и конструктивных сил, личностную ответственность человека, его умение быть лучше для себя и для других. Никого не нужно принудительно наталкивать, направлять. Можно и нужно делиться полезным жизненным опытом, сочувствовать, сострадать, и, главное, понимать. Понимание – ключ к миру. Реальность такая, какая есть, не где-то там вдалеке от нас, но здесь и сейчас. И если мы её поймём, мы сможем сделать её безопасной и ненасильственной. Мир не может держаться на силе и принуждении, но только на понимании и осознании того, что и как ты можешь изменить к лучшему.

Эта книга противопоставляет спекулятивные идеалистические практики живому человеческому интеллекту, освобождённому от предрассудков и заблуждений обусловленного мышления. Книга нацелена на развитие этического и ответственного поведения мыслящего человека, который способен изменить мир к лучшему, опираясь на понимание прежде всего того, что этому препятствует. Автор

ставит под сомнение существующий спекулятивный процесс по формированию добра в обществе и показывает, как этот процесс может парадоксальным образом культивировать безответственное и аморальное поведение.

Таким образом, автор надеется, что мыслящий читатель сумеет найти в книге что-то для себя полезное – то, что позволит ему пробудить интеллект во имя любви, созидания и культуры миротворчества.

ПРИЛОЖЕНИЕ

SUPPLEMENT

Избранные книги Терренса Уэбстер-Дойла
Some of Books by Terrence Webster-Doyle

www.bravenewchild.org
<https://www.preventingwar.org>
<https://biocogneticsedu.org/>

Atrium Society Youth Peace Literacy

Ресурсы, отмеченные высокими наградами и профессиональными признаниями, помогающие изучить и понять корни человеческого конфликта

Преодолевай предрассудки

Предотвращай хулиганство

Предотврати войну

Учить миру

Предохраняй мир

Рождённый воевать?

Война и мир

Боевое искусство за мир

Дорожная карта мира

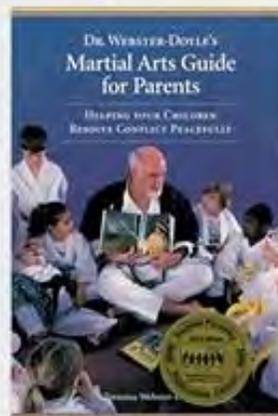
УЗНАТЬ БОЛЬШЕ / LEARN MORE

<https://biocogneticsedu.org/>

**MARTIAL ARTS FOR PEACE FROM T. WEBSTER-DOYLE:
NEW KNOWLEDGE OF HOW RESOLVE CONFLICT PEACEFULLY**

<https://atrium.soc.org/map-landing.php>

Т. Уэбстер-Дойл и его программа
«Интеллектуальные боевые искусства за мир»

Терренс Уэбстер-Дойл

**ИГРЫ РАЗУМА:
К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ
ПРЕДРАССУДКОВ И
КОНФЛИКТОВ, ИЛИ КАК
НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ В МИРЕ**

КНИГА ПЕРВАЯ

Уэбстер-Дойл, Т. Игры разума: к пониманию природы предрассудков и конфликтов, или как научиться жить в мире = Mind Games: To Understanding the Roots of Prejudice and How Learn Live Peacefully / Т. Уэбстер-Дойл. – Самара: АНО «Издательство СНЦ», 2021. – 65 с. ISBN 978-5-6045896-8-7

Из всех работ, которые я когда-либо написал, именно этот текст, состоящий из двух разделов, является самым важным для меня. Как мне представляется, в нём уделяется предельно конкретное и ясное внимание корневым причинам конфликта, который концентрируется в сознании человека, его мозге. Учитывая природу и биологическую эволюцию человека, – эта гипотеза видится мне вполне логичной и обоснованной. Нескончаемое теоретизирование в изучении причин возникновения конфликта, как показывает опыт, мало приносит пользы. Что остаётся всякий раз незамеченным – это то, что конфликт – не проблема, которую нужно решить, но специфика нашего восприятия себя и друг друга в мире. Конфликт есть реальность, которую нам следует изучить и понять. Парадокс состоит в том, что мысль пытается решить проблемы, которые она часто сама и создает. В своей книге я пытаюсь показать, что мир не может держаться на силе, он держится только на понимании и основанном на этом понимании нашем конкретном и ответственном участии, здесь и сейчас.

Терренс Уэбстер-Дойл

**МИР:
ЧТО ЕМУ МЕШАЕТ?
К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ
ОБУСЛОВЛЕННОГО РАЗУМА**

КНИГА ВТОРАЯ

Уэбстер-Дойл, Т. Мир: что ему мешает. К пониманию природы обусловленного разума = Peace: what prevents it? Understanding the conditioned mind: научное издание / Т. Уэбстер-Дойл.
– Самара: АНО «Издательство СНЦ», 2021. – 84 с.
ISBN 978-5-93424-869-8

Всё лучшее в человеке связано с миром. Чтобы добиться мира, мы должны понять, что ему мешает, а что мешает – так это сама наша предрасположенность к этно- и социоцентризму. Истоки конфликтов лежат в нашей предыстории, в биологической предрасположенности нашего мозга защищать себя от внешних угроз – мнимых и реальных. Все конфликты между людьми и культурами сначала зарождаются в голове человека в виде стереотипов неприятия – образов врага, недруга, соперника и обидчика. Человек порою не замечает, как сам становится жертвой собственных предрассудков. Мы многое можем изменить, если освободим свой разум от предрассудков и научимся управлять эмоциями. Важно уметь наблюдать и распознавать ситуации, которые бросают нам вызов, основанный на сопротивлении культур и стереотипах поведения, не поддаваться всплескам нетерпимости, вражды и агрессии. Преодоление конфликтов невозможно без осознания того, что мешает нам жить в мире и согласии. Понимание первопричин конфликта и насилия в человеческой жизни позволит сделать мир лучше и добрее.

Терренс Уэбстер-Дойл

**МИР:
ЧТО ЕГО СОЗДАЁТ,
КАК ЕГО ДОБИТЬСЯ?
ПРОБУЖДЕНИЕ
ИНТЕЛЛЕКТА**

КНИГА ТРЕТЬЯ

**Уэбстер-Дойл, Т. Мир: что его создаёт, как его добиться =
Peace: What Creates It? The Awakening of Intelligence:** научное
издание / Т. Уэбстер-Дойл. – Самара: ООО «Самарама», 2021.
– 156 с. ISBN 978-5-6045444-6-4

Предлагаемая вниманию читателя книга есть третья часть тематической трилогии, в которой автор рассматривает ключевые вопросы понимания первопричин войны и мира, насилия и согласия, хаоса и порядка во взаимоотношениях людей, народов и культур. Что есть мир? Из чего он складывается? Что ему мешает? Как его добиться? Как не оказаться в плену предрассудков? И в чём состоит сила творческого интеллекта, способного освободить мир от стереотипов и вызовов обусловленного мышления? Ответы на эти вопросы позволяют заглянуть за кулисы большой и беспокойной человеческой жизни, найти там что-то важное и полезное, и прояснить то, что может сделать наш мир лучше и безопаснее. Для решения неотложных задач современности нам необходимо перейти от самообмана и мифологем обусловленного мышления к силе творческого интеллекта, способно действительно объединить расколотый мир через знание того, что ему мешает и что его может спасти. Мир не может держаться на силе, но только на понимании и ответственности каждого из нас.

Терренс Уэбстер-Дойл

Complete Peace Trilogy

**МИР:
ЧТО ЕМУ МЕШАЕТ,
ЧТО ЕГО СОЗДАЁТ И
КАК ЕГО ДОБИТЬСЯ**

ПОЛНАЯ ТРИЛОГИЯ О МИРЕ

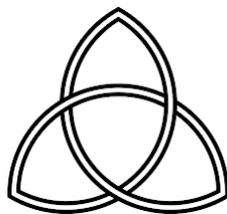
Уэбстер-Дойл, Т. Мир: что ему мешает, что его создаёт и как его добиться. Как научиться жить мирно без предрассудков и конфликтов = Peace: what prevents it, what creates it and how achieves it. How learn to live peacefully / Complete Peace Trilogy / Т. Уэбстер-Дойл. – Самара: ООО «Самарама», ООО «Прайм», 2021. – 300 с. ISBN 978-5-6045444-7-1

Предлагаемая вниманию читателю книга есть полная трилогия, состоящая из трёх ранее изданных брошюр по миротворчеству. Этот текст, включает три основные части, в которых уделяется предельно конкретное и ясное внимание корневым причинам конфликта, сосредоточенных в сознании человека, его мозге. В книге показывается, что единственный надёжный способ создать прочный мир – это пробудить разум, открыть его для себя и для другого, освободиться от предрассудков и предвзятости, увидеть и понять, как всё это происходит в данный момент в живой и творческой включённости в настоящее. Миру не нужны посредники, но лишь прямой диалог, совместное творчество всех тех, кто хочет его достичь. Здесь важно неустанное движение в понимании того, на чём держится мир, что его создаёт и продвигает во имя торжества истины, справедливости и свободы.

Мир не может держаться на силе, но только на понимании.
Нет образа - нет врага - нет войны.

Об авторе

Терренс Уэбстер-Дойл / Terrence Webster-Doyle (род. в 1940 г.) – директор Международного института когнитивного образования за мир, президент *Atrium Society*, основатель и руководитель Музея культуры миротворчества для детей (Паония, Колорадо, США). Имеет докторскую степень в области психологии. Автор более 150 научных и учебно-методических работ, в том числе 15 монографий и 20 учебных пособий. Разработал серию учебно-методических программ по преодолению конфликтов для подростков. Награжден медалью Роберта Бернса за вклад в литературу и австрийской премией Альберта Швейцера за выдающиеся заслуги в области продвижения мира. Лауреат Золотой медали имени Бенджамина Франклина за книгу «Борьба с невидимым врагом. Понимание эффектов обусловленности», которая была опубликована в 1993 году (№ 1-7) на русском языке ведущим советским и российским педагогическим журналом «Детская литература».

Книги доктора Терренса Уэбстер-Дойла получили широкое признание и отмечены профессиональным сообществом как важный ресурс в профилактике и разрешении конфликтов, включая Советский Фонд мира, Библиотеку им. В.И. Ленина в Москве (Россия), Международный музей мира и солидарности в Самарканде (Узбекистан).

ATRIUM SOCIETY PRESENTS THE
Brave New Child Peace Museum Education and Resources for
Understanding the Conditioned Mind

Терренс Уэбстер-Дойл

Научное издание

**Умиротворение разума:
поиски невинности**

Корректор: Л.В. Кузьмина

Вёрстка: А.И. Львов

Художественное оформление: В.И. Иванов

Подписано в печать 29.07.2021

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объём 9,5 усл. п.л.

Тираж 1000 экз.

ООО «Самарама»

443087, Самара, ул. Стара-Загора, 167

Отпечатано в типографии ООО «Прайм»

г. Самара, Байкальский переулок, 12

Для заметок / For Notes

Автор пытается ответить на вопрос: не оборачиваются ли попытки идеалистического мышления положить конец страданию, новым витком вражды и насилия в человеческих отношениях? По мнению автора, в основе нескончаемых человеческих распрей лежат ложные представления о природе конфликтов и насилия, подпитанные предрассудками, предубеждениями и самообманом обусловленного мышления. Книга бросает вызов основам идеалистического мышления, которое держит человечество на протяжении веков в иллюзорной ловушке простых и притягательных фантазмов и мифологем. Концепция автора заставляет задуматься над воздействием на нас эзотерических сил, в плену которых мы часто оказываемся. Эта книга ставит много актуальных вопросов о феномене обусловленности человеческого мышления и поднимает на новый уровень дискуссии о том, что мешает и что помогает людям жить в согласии, добре и мире.

